КОСИНОГ

история о колдовстве

БРОМ

Бром

Косиног. История о колдовстве

Серия «Темные фантазии Джеральда Брома»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66872248
Косиног. История о колдовстве: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-139443-1

Аннотация

Коннектикут, 1666 г.

В темном лесу пробуждается к жизни неведомый древний дух.

Дикий люд зовет его Отцом, заступником, губителем.

Колонисты зовут его Косиногом, демоном, дьяволом.

Ну, а для Абиты, недавно овдовевшей, отверженной, одинокой и беззащитной перед лицом набожных односельчан, он единственный, к кому можно обратиться за помощью.

Вдвоем они начинают битву – битву язычников с пуританами, грозящую сровнять с землей деревню, не оставив от нее ничего, кроме пепла и пролитой крови.

Наводящее ужас сказание о волшебстве, эта книга украшена более чем двумя дюжинами завораживающих, жутких картин Брома, уводящих читателя в его дикий, безжалостный мир.

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 67
Глава третья 118
Конец ознакомительного фрагмента. 157

Бром
Косиног. История о колдовстве

Brom
Slewfoot: a Tale of Bewitchery

Text Copyright © 2021 by Gerald Brom
© Д. Старков, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Эта книга посвящается моей матери, Кэтрин Ширли Бром, всегда говорившей, что я смогу, когда другие твердили: «Не сможешь».

Ступай с оглядкою по сим камням священным: ведь здесь, в день пятый октября лета 1666, дьявол, что именуется Косиногом, погубил 112 добрых жителей деревни Саттон. Спаси Господь бессмертные их души.
Памятник над руинами старого дома собраний в Саттоне, Коннектикут

Глава первая

Новый Свет, Саттон, Коннектикут, март 1666 г.
Тень в непроглядной тьме.
Шепот…

Снова шепот…

– Нет.

Вновь шепот – тревожный, настойчивый.

– Не слышу. И слышать никак не могу. Ибо мертвые ко всему глухи.

И снова шепот.

– Оставь меня, тебе сказано.

– *Ты должен, должен проснуться*.

– Нет. Я мертв и мертвым останусь.

– *Ты больше не можешь прятаться*.

– Там для меня ничего больше нет.

– *А кровь?*

– Нет… хватит. Слышать ничего не хочу.

– *Они пришли. Пришли*.

– Вот привязался! Честью прошу: оставь ты меня в покое.

– *Они здесь, у тебя на пороге*.

– И что с того?

– *Мы принесли тебе дар*.

– Я ни в чем не нуждаюсь.

– *Кровь… ты только понюхай, понюхай…*

– Нет. Я ничего не чую. Я мертв.

Однако запах крови, витавший вокруг, пронизывал, пропитывал тень насквозь, и пробужденный им легкий, едва уловимый зуд голода вскоре усилился, сделался нестерпимым.

– О-о, – застонал призрак, – кровь… сладкая, сладкая…

кровь…

С этим он поднял веки, зажмурился и снова открыл глаза.

Рядом с ним, на земле, лежал какой-то четвероногий зверь. Не олень, не еще какой-нибудь зверь из знакомых – неведомая косматая тварь с раздвоенными копытами и толстыми витыми рогами. Досталось зверю изрядно: потроха вывалились наружу, глаза часто моргали, дышал он, точно загнанная лань.

Призрак придвинулся ближе. Зверь устремил дикий, безумный взгляд на него, затрясся всем телом, заблеял. Подхлестнутый его страхом, призрак приблизился к зверю вплотную, запустил туманные щупальца в теплое мясо, упиваясь кровью и ужасом.

Еще миг – и призрак начал обретать облик. Живая кровь наполнила вены, за венами настал черед хрящей, костей, сухожилий и мускулов. Призрак принялся лакать кровь языком, затем, почувствовав, что у него появились зубы, глубоко погрузил морду в рассеченное брюхо жертвы, вгрызся в парные внутренности, пожирая и плоть, и кости. Толчок в груди, еще толчок, и сердце застучало быстрее, быстрее, и призрак – вернее, уже не призрак – подняв голову, испустил долгий, протяжный вой.

– *Вот и хорошо*, – сказал некто невидимый.

– Хорошо, – согласился призрак (вернее, не призрак – зверь), впервые с незапамятных, древних времен услышав собственный голос, гулким эхом отразившийся от сводов пе-

щеры.

– *Ты все еще голоден?*

– Да.

– *Еще крови хочешь?*

– Да.

– *Там, наверху, найдется*.

Подняв взгляд, зверь увидел высоко над головой серебристый лучик, проникающий вниз сквозь зев глубокой, неровной ямы.

– *Как тебя зовут?* – спросил некто невидимый.

– Не помню, – отвечал зверь.

– *Вспомнишь. О, еще как вспомнишь… и они – тоже*.

– САМСОН! – прокричала Абита, старательно сдерживая нарастающий страх в голосе.

Шла она быстро, вглядываясь в отпечатки раздвоенных копыт, цепочкой петлявших среди копен сухих кукурузных

стеблей. Ясное дело, удрать далеко козел не мог: Абита сама видела эту скотину меньше часа назад. Дойдя до края поля, она остановилась, вгляделась в густую чащу коннектикутских лесов. Деревья даже сейчас, на исходе зимы, когда вся их листва покоится на промерзшей земле, поглощали свет почти без остатка – дальше сотни шагов ничего впереди не видать.

– Самсон! – снова окликнула она. – Сэм!

На морозе крики срывались с губ облачками пара. В небе над головой собирались плотные тучи, вокруг смеркалось. Если не отыскать Самсона до темноты, козла наверняка найдут волки либо кто-нибудь из дикарей, однако Абита, зная, как просто живой душе, войдя в этот лес, никогда не вернуться назад, призадумалась. Оглянувшись в сторону дома, она поразмыслила, не прихватить ли с собой мушкет, но решила, что времени на это нет, шумно перевела дух, подобрала подол серой шерстяной юбки, собралась с духом и двинулась дальше, в сумрачный лабиринт зарослей.

Не теряя из виду следов, Абита обогнула хитросплетение ежевичных лоз и, изо всех сил стараясь не поскользнуться в слегка оттаявшей грязи пополам с палыми листьями, спустилась вниз с невысокого откоса. Шипастые ветви цеплялись за длинные юбки и плащ. Одна из них сдернула с головы чепец, и длинные рыжие волосы Абиты вольно рассыпались по плечам. Стоило потянуться за чепцом, нога поскользнулась, и Абита, шлепнувшись наземь, съехала вниз, на дно заболо-

ченного овражка.

– А, дьявол и преисподняя! – вскричала Абита, но тут же опасливо огляделась вокруг. Конечно же, поблизости не было ни души, однако осторожность вошла в привычку: услышит хоть кто-нибудь из сектантов – не миновать ей кары за этакое сквернословие.

Ухватившись за ветку, Абита поднялась, но ветка с треском переломилась, отчего девушка вновь рухнула на четвереньки, а грязь не преминула сдернуть с ног увязшие в ней башмаки.

– Сучий прах! – воскликнула Абита, уже не заботясь о том, что ее могут услышать.

Сплюнув попавшие в рот брызги болотной жижи, она принялась откапывать башмаки, нашла их, выдернула из трясины, встряхнула раз-другой, но грязь прилипла к башмакам намертво. Счистить грязь тоже оказалось непросто: жесткая кожа больно впивалась в замерзшие пальцы. Когда боль сделалась нестерпимой, Абита оставила эту затею и прижала онемевшие ладони к груди в надежде хоть немного отогреть их.

– Самсон! – вновь позвала она, обшарив взглядом топкое дно оврага и бескрайние заросли.

Как только девушку из Лондона могло занести в эти суровые, неумолимые земли? В глазах защипало от слез, и Абита утерла слезы тыльной стороной запястий, измазав грязью и щеки.

– А ну прекрати реветь. Ты давно не девчонка, – сказала она и вновь призадумалась.

«Не девчонка, это уж точно: весной двадцать сравняется. Теперь я – женщина взрослая… и вдобавок замужняя».

Наморщив лоб, Абита сосчитала прошедшие месяцы. Почти два года замужем! Уму непостижимо: муж, ферма, пуритане… да-да, особенно пуритане с их аскетически строгим образом жизни. Попробуй-ка с этим смирись, когда тебя с малолетства собирались отдать в услужение какому-нибудь лорду или леди! Жизнь у прислуги не мед, это уж точно, но тогда ей хотя бы не пришлось опасаться голодной смерти с приходом каждой новой зимы.

«Что, не сложилось, Аби? Не вышло? Не вышло… а все – из-за отца».

Прослышав о королевском пособии, награде родителям невест, выходящих замуж в колонии, отец немедля продал ее правительству за горсть звонких монет. Девчонка всего-то семнадцати лет, она была обещана в жены одному из колонистов, Эдварду Уильямсу, еще не успев покинуть берегов Англии.

Учитель, отец Абиты настоял на том, чтоб дочь обучилась грамоте вместе с двоими младшими братьями. Посему прочесть свое долговое обязательство, вынимая его из дорожной сумки во время долгого плавания всякий раз, как ей захочется от души посмеяться или от души поплакать, Абите не составляло труда.

Добродетельная, послушного нрава юная девица, лицом миловидна, телом пышна, хорошего воспитания, из набожной, благонравной семьи…

«Да уж, в самом деле, благонравной, – думала она, – не считая отца, пропивавшего больше, чем тратит на хлеб, и мамаши, сквернословящей складнее любых стихов». Что же касается ее собственной добродетельности… Да, если не обращать внимания на ругань, рвущуюся с языка, нередкое воровство и пристрастие к дракам, невеста для выдачи замуж в пуританскую общину из нее, в самом деле – лучше не придумаешь. Насчет «лицом миловидна»… если и так, об этом ей, при ее-то бесовском, проказливо задранном кверху носе и щеках, в припадках буйства краснеющих, а на морозе вовсе расцветающих маковым цветом, раньше никто не говорил. И «телом пышна» для сочинителя этой потешки, наверное, означало что-то свое, так как ее худосочные стати еще никого из встречных мужчин обернуться ей вслед не заставили. Однако, как только корабль их вошел в гавань Нью-Хейвена, все это разом сделалось совсем не смешно. Как только дело пошло всерьез, у Абиты не осталось ни малейших сомнений: жених отправит ее восвояси, едва разглядит. Но если Эдвард при встрече и был удивлен, сама Абита удивилась не меньше. Человеком Эдвард оказался совсем не таким, какого она ожидала увидеть. Был он симпатичен, может, даже красив, годами десятью ее старше, с буйной копной волнистых темных волос, однако из-за увечья, из-за горба за плечами, хо-

дил, согнувшись, точно улитка.

Что он подумал о ней, Абита в то время понять не смогла, так как если Эдвард и был разочарован, то ничем этого не показал. Просто приветствовал ее, сошедшую с корабля, застенчивой улыбкой, а затем, после неловкого рукопожатия и короткого, деловитого знакомства, подхватил единственную сумку Абиты и повел нареченную к запряженной мулом повозке – прочь от причала, в новую жизнь.

«И вот я здесь, – подумала она, – вычерпываю из башмаков стылую грязь да гоняюсь за безмозглым козлом по безлюдному темному лесу».

Донесшийся издали вой заставил разом забыть обо всяких раздумьях. Отчаявшись вычистить грязь из башмаков, Абита сунула в них ноги как есть и с трудом поднялась. Перемазанная в болотной жиже, насквозь промокшая длинная юбка порядком отяжелела, отчего идти стало еще труднее, чем раньше. Опираясь на крепкую палку, подобранную в болотце, Абита принялась искать следы козла и вскоре нашла их. Следы копыт вели к дальнему концу овражка, к россыпи каменных глыб, торчащих над склоном.

Приглядевшись к темным камням, Абита не на шутку удивилась их сходству с огромным трухлявым пнем. Может, это вправду окаменевшие остатки какого-то древнего дерева? Каким же оно было громадным, если оставило о себе память настолько невероятной величины? И тут ей в глаза бросилось еще кое-что примечательное: камни размером по-

меньше, стоймя расставленные вокруг пня на равном расстоянии один от другого. Общим счетом их оказалось двенадцать. Во всем этом чувствовалось нечто странное. Казалось, их расставил кольцом какой-то великан, давным-давно канувший в прошлое и позабытый.

Отпечатки копыт исчезали в яме у подножья окаменелого пня. Видя, что перед нею вход в чье-то логово или небольшую пещеру, Абита приблизилась к яме не без опаски, огляделась вокруг в поисках медвежьих или волчьих следов. Но нет, сырую листву потревожили только копыта козла.

Подойдя ближе, Абита оперлась ладонью о выступ над зевом пещеры и заглянула внутрь. В пещере не оказалось ничего, кроме мрака да тени, однако Абите сделалось не по себе, как будто под чьим-то взглядом. Тут-то она и пожалела, что не прихватила мушкет.

– Самсон?

Тишина. Жутковатая тьма безмолвствовала.

– Скотина проклятая, кой черт тебя в эту дыру потянул?

И тут ее внимание привлекла еще одна странная штука. След козла вел от амбара к пещере, можно сказать, прямиком, словно козел знал, куда идти – так пчелы с взятком возвращаются в улей.

– Самсон, – вновь позвала Абита.

Вновь тишина.

– Самсон! А ну вылазь, живо! Не заставляй за тобой туда лезть!

И, помолчав, едва слышным шепотом:

– Пожалуйста, не заставляй меня за тобой туда лезть…

Не дойти ли до дома, не вернуться ли с Эдвардом? Однако от этой мысли пришлось отказаться: когда воротится Эдвард, Абита не знала – возможно, не раньше, чем через час-другой.

«Козла потеряем – конец нам», – заволновалась она, зная, в какие деньги обошелся им этот козел. Еще один долг поверх кучи прежних… но дело было не только в деньгах, а в том, что виновата в этом одна Абита: ведь только она заходила сегодня в козий загон и обнаружила пропажу козла, только пойдя подоить двух козочек к ужину. Самым страшным во всем этом казалось взглянуть в глаза Эдварду, рассказав ему, что натворила. Утрата подкосит его, лишит всех надежд… Нет, этого Абита перенести не могла.

– Самсон, – взмолилась она, – пожалуйста…

Стиснув зубы, пригнувшись, она сунула голову внутрь и замерла в ожидании, пока глаза не приспособятся к темноте. Пещера оказалась просторнее, чем она ожидала, размером с грузовую повозку, укрытую низким навесом. Ткнув в темноту палкой, Абита нащупала пол и шагнула вперед.

– Самсон!

Ее зов гулким эхом отразился от свода пещеры. Как только глаза попривыкли к мраку, дальше, впереди, показался ход в следующее подземелье.

«Ну нет уж, – подумала Абита, – туда я ни за что не пойду.

Туда меня никакими коврижками не заманишь».

Из недр пещеры донесся негромкий шорох, а за ним – фырканье вроде козлиного. Абита напружинилась, насторожилась, готовая броситься наутек.

– Кто там? – окликнула она, выставив перед собой палку, будто копье. – Самсон, ты? Отзовись, Бога ради!

Дожидаясь ответа, Абита стиснула палку до боли в ладонях. В мучительном ожидании прошло не меньше минуты, но из пещеры не донеслось больше ни звука, и тогда она медленно перевела дух.

«Прекрати трусить, гусыня бестолковая!»

Закусив губу, Абита осторожно шагнула вперед, и вдруг пол пещеры ушел из-под ног. Рухнув на бок, заскользив вниз, она отчаянно впилась ногтями в сыпучую землю в поисках хоть чего-нибудь, хоть какой-то опоры, только бы остановить падение. По счастью, под руку подвернулся торчащий из земли камень. Изо всех сил вцепившись в него и второй рукой, Абита попробовала обо что-нибудь опереться ногами и ахнула: ноги нащупали лишь пустоту. Внизу, под нею, зиял непроглядно-темный провал.

Повиснув над бездной, шумно, часто дыша, Абита вслушалась в перестук осыпающихся на дно ямы камней. Казалось, падению их не будет конца… и тут до ее ушей снова донесся тот самый шорох. На этот раз ей без труда удалось разобрать, что доносится он снизу, из ямы под ногами. Тут она и поняла, что стряслось – что козел провалился в эту са-

мую яму.

– Вот скотина безмозглая, – проговорила она. – Вот же болван бородатый…

Упав с такой высоты, козел наверняка свернул себе шею или сломал хребет, и, значит, на племя уже не годен, а доить козла, как известно, занятие бессмысленное.

– Куда тебя, дурня, теперь? Только на жаркое. Вот доберусь до…

И тут она осеклась.

Из ямы снова донесся какой-то шум.

Абита сощурилась, вглядываясь в темноту.

Вновь тот же звук, и тут уж сомнений не оставалось: козел здесь ни при чем. Шепот… шепот, словно бы детский, только слов Абита разобрать не смогла – казалось, язык какой-то чужой.

«Туземцы», – подумала она, но нет, дело было в чем-то еще: шепот Абита не просто слышала – чувствовала, точно слова мурашками ползли прямо под кожу. Все тело обдало холодом, и тут она поняла… *поняла…*

– *Отпусти. Разожми руки. Мы подхватим тебя*.

Абита с удвоенной силой рванулась наверх, как ни тянула книзу мокрая, грязная юбка.

Вновь тот же голос… только гораздо ближе. Бросив взгляд вниз, Абита не смогла разглядеть ничего – даже ступни ее исчезали в ужасающей тьме. Еще рывок, и локоть утвердился на краю ямы, а затем ей удалось зацепиться за край и ко-

леном. Выбравшись наверх, Абита откатилась прочь от провала, поднялась на колени и во весь дух бросилась к выходу, к дневному свету, споткнулась, упала… и тут кто-то *коснулся* ее ноги! Из горла вырвался отчаянный визг, однако позади не оказалось никого.

– Оставь меня! – вскричала она.

На четвереньках выбравшись из пещеры, скатившись кубарем вниз, Абита поднялась на колени и обернулась к пещере в ожидании преследователя, кем бы тот ни оказался.

– Ты ненастоящий, – прошептала она, покачав головой. – Ненастоящий.

С этими словами она откинула волосы с глаз и увидела там, в неверных предвечерних сумерках, возвышающееся над нею невероятно огромное, исполинское дерево с кроваво-алой листвой. Не в силах пошевелиться, не в силах даже моргнуть, Абита замерла, и вдруг услышала оклик откуда-то издалека, а затем громче, ближе:

– Абита! Абита!

Обернувшись, Абита увидела на том берегу болотца Эдварда с фонарем в руке. Сгорбленный силуэт мужа темнел на фоне угасавшей вечерней зари.

Тогда она снова взглянула на дерево и обнаружила, что дерево исчезло, как не бывало… однако над исполинским пнем легонько покачивался свежий росток.

– Раньше его здесь не было, – прошептала она.

«Нет, проглядеть его я никак не могла: вон листья какие

красные».

– Абита!

Абита вскочила и, огибая болотце, бросилась к Эдварду. Такой радости появление мужа не доставляло ей еще никогда.

– Абита, что с…

Подняв фонарь, Эдвард оглядел ее с головы до ног, в смятении поднял брови. Да, ну и вид, ну и зрелище… сплошь в грязи и палой листве, чепец потеряла, мокрые грязные волосы прядями липнут к щекам, и вдобавок – это Абита заметила только сейчас – куда-то пропал один из башмаков.

– Бедняжка, что с тобой стря…

– Эдвард, я потеряла его, потеряла! – затараторила она с дрожью в голосе. – Потеряла!

– Кого? Кого потеряла?

– Нового козла, Самсона. Самсон пропал. Прости…

Эдвард окинул взглядом темные заросли.

– Ничего, отыщем.

– Нет, Эдвард, ты вначале дослушай. Самсон погиб. В яму упал. Упал и… и сгинул с концами.

Осознав, что это для них означает, Эдвард переменился в лице. Без козла, без производителя, потомства от козочек по весне не дождешься.

– Это точно?

– Еще как, Эдвард. Вон… вон пещера, а внутри – яма глубокая, – слегка запнувшись, ответила она и ткнула пальцем

назад, за плечо. – Он там, на дне. Я так виновата… так виновата перед тобой… я…

Подняв руку, Эдвард обнял Абиту, привлек к себе, что проделывал крайне редко. Объятия вышли неловкими, скорее, отеческими, как и все его знаки внимания интимного толка, однако Абита знала: муж изо всех сил старается ее утешить.

– Эдвард, ты меня что же, не слышишь? – отстранившись, удивилась она. – Самсон пропал из-за меня. Из-за *меня*. Ты же сердиться должен. Полное право имеешь.

– Оставим эти тревоги на завтра, – сказал он. – Утро вечера мудренее. Будет на то воля Господа… как-нибудь проживем.

На глаза навернулись горячие слезы – слезы злости на Эдварда и не только. Нет, он, как всегда, из себя не выйдет, а лучше бы разозлился, лучше бы обругал ее, на чем свет стоит: может, тогда Абита злилась бы на собственную безголовость хоть чуточку меньше.

– Это вовсе не Господь оставил калитку незапертой, – зарычала она. – Это я, я! Я во всем виновата. Нельзя же всю жизнь во всем винить Господа. Не выйдет из этого никакого…

– Довольно! – с неожиданной резкостью оборвал ее Эдвард.

Однако Абита, уловив кроющуюся за резкостью слабость, решила ни на чем не настаивать, уступить: пусть без помех

разбирается во всем по-своему.

– Довольно, – прошептал Эдвард и, развернувшись, усталый, подавленный, двинулся по склону оврага наверх, к дому.

Оглянувшись на темный зев пещеры, Абита последовала за ним.

Приближаясь к дому, Абита увидела белого жеребца, привязанного у крыльца.

«О нет, только не сегодня!»

Эдвард замедлил шаг. На миг Абите показалось, что он развернется и уйдет, однако муж шумно перевел дух и направился в дом. Абита двинулась следом.

Старший брат Эдварда, Уоллес, развалился в кресле, закинув ноги на стол. Те же, что и у Эдварда, волнистые волосы, карие глаза, высокий лоб, однако на этом все сходство заканчивалось. Во всем остальном Уоллес – огромный, широ-

коплечий, развязный в разговоре и поведении, с квадратной челюстью, бравого вида малый, с какой стороны ни взгляни – отличался от брата разительно.

– Эдвард! – воскликнул Уоллес, смачно жуя ветчину.

Перед тем, как отправиться в лес, Абита накрыла стол к ужину, и Уоллес не постеснялся угоститься одним-двумя небольшими ломтиками ветчины. Увидев это, Абита едва сдержала крик возмущения: ни солонины, ни ветчины у них больше не осталось, и денег на пополнение запасов в ближайшем будущем не предвиделось.

Тем временем Уоллес окинул взглядом ее измазанное грязью платье и волосы.

– Осмелюсь спросить… э-э…

– У нас козел пропал, – сказал Эдвард, не добавив больше ни слова.

– О-о… понимаю, – откликнулся Уоллес и вновь вонзил зубы в ломтик ветчины. – Жаль, жаль. Соболезную. Надеюсь, ты, брат, не возражаешь? – спросил он, подняв повыше огрызок мяса. – Путь сюда был неблизок, а я до сих пор не ужинал.

«Прекрасно же знаешь, что мы возражаем», – подумала Абита и перевела взгляд на мужа.

Как ей хотелось, чтоб муж призвал этого типа к порядку!

«Не спускай ему этого с рук, Эдвард. Скажи хоть, что мог бы из вежливости разрешения подождать! Один-то раз в жизни не позволяй ему вытирать о себя ноги!»

– Э-э, – протянул Эдвард. – Что ж… да, возможность поделиться дарами Господа – дело хорошее.

– Абита, – продолжал Уоллес, – принеси-ка мне капельку Эдвардовой медовухи. Горло промочить нужно: я ведь к вам с кой-какой новостью.

Однако Абита спешить никуда не стала. Во-первых, не в том она нынче была настроении, чтоб этот наглец ею командовал, да еще в ее собственном доме, а во-вторых, медовуха у них тоже подходила к концу. На исходе зимы почти со всеми припасами сделалось туго, и не в последнюю очередь – из-за сидящего перед ней.

Подождав малость, Уоллес утер рукавом жирные губы и повернулся к Эдварду.

– Что на нее нашло?

– Абита, подай медовухи, – велел Эдвард.

– Но, Эдвард, ее осталось-то…

– Абита, – сурово оборвал ее муж.

– Эдвард, я…

– Абита! – рявкнул Эдвард. – Живей!

Уоллес заулыбался, откровенно позабавленный их перебранкой.

– Ну и терпелив же ты, братец! Да, спору нет, нравом ты у нас кроток, но не слишком ли кроток, а? Конечно, я ведению хозяйства тебя учить даже не думаю, но, знаешь, уж лучше твердая рука дома, чем порка в деревне, на общинной площади.

Раскрасневшаяся от возмущения, Абита развернулась и твердым шагом направилась к буфету. Она хорошо, слишком хорошо знала: на людях пуританской женщине надлежит держать рот на замке, а со *всеми* мужчинами держаться *неизменно* почтительно и покорно. Это ей вдалбливали в голову с самого дня приезда, и в поучениях Уоллеса она, черт побери, совсем не нуждалась. С шипением втянув в себя воздух, чтобы хоть чуточку успокоиться, она открыла дверцу буфета и сняла с полки кувшин медовухи. Последний кувшин… и то, судя по тяжести, почти допит.

Ухватив с полки кружку, Абита наполнила ее до половины и с грохотом водрузила на стол перед Уоллесом.

– Да, когда эта рассердится, по ней все сразу видно, – с усмешкой заметил Уоллес. – Вон, щеки-то – что малина!

– Ты говорил, будто с новостью к нам? – напомнил ему Эдвард.

Усмешка с лица Уоллеса разом исчезла.

– Присядь-ка, Эдвард, – сказал он, залпом опорожнив кружку. – Абита, Эдварду тоже кружку подай.

Эдвард подсел к столу. Абита принесла ему кружку и налила медовухи.

– И мне еще малость плесни, – постучав по своей кружке, велел Уоллес.

Абита взглянула на Эдварда, а когда Эдвард кивнул, вылила в кружку Уоллеса последние капли – едва хватило, чтоб дно прикрыть.

Скрыть разочарование Уоллес даже не пробовал.

– Больше нет, – отрезала Абита. – Эта последняя.

– Да-да, куда ни глянь, всем сейчас нелегко, – вздохнул Уоллес и призадумался, собираясь с мыслями. – Эдвард, похоже, мы с тобой здорово влипли.

– Вот как?

Уоллес откашлялся.

– Я с табаком старался, как мог… это известно всем, так?

– Над погодой властен только Господь, – сказал Эдвард.

– Это уж точно. Точней не бывает, – продолжил Уоллес. – Сам знаешь, я ничего не жалел, ни в чем не скупился… пустился на жуткие хлопоты и расходы, чтоб раздобыть приличный сорт, тот самый новый, душистый лист, суливший такие надежды. Все сделал верно. Но – да, ты совершенно прав, дождь вызвать мне не по силам. На это… способен только Господь.

«А, так теперь у тебя погода во всем виновата? – подумала Абита, едва сдержавшись, чтобы не хмыкнуть. – Погода тебя, значит, заставила табак сеять, хотя куча народу предупреждала: в саттонской почве табак не уродится. Но разве ты, Уоллес, хоть кого-то послушал? Нет, ты же у нас самый умный! Умнее всех».

Уоллес на время умолк. Лицо его исказилось, будто он заново переживает какой-то кошмар.

– Ладно. Я здесь не для того, чтоб заново все повторять. Посевы погибли, и затея наша не удалась. Что сделано, не

воротишь. Сейчас речь о положении нашей семьи. Я за табак взялся ради *всех* нас. И ради тебя, и ради Абиты. Как тебе известно, я рассчитывал взять тебя в дело… увеличить посевы за счет твоего участка. Почтить память отца и все, что он сделал для нас, создав фамильное предприятие.

С этим он воззрился на Эдварда, едва ли не требуя согласия.

Эдвард кивнул.

– Что ж, похоже, эта затея завела нас в тупик, – сказал Уоллес и снова на время умолк. – Похоже… похоже, придется нам как-то долги гасить.

– Долги? Но… я думал, вы с лордом Мэнсфилдом сговорились о партнерстве?

– Да… вроде как. Но… э-э… себестоимость начала расти, как на дрожжах, и он потребовал кое-что в залог.

– Твою *ферму*? Уоллес… ты ведь не согласился?!

Уоллес уставился в опустевшую кружку.

– Нет… нет, на это я не пошел. Рисковать фермой отца я ни за что бы не стал.

Эдвард вздохнул с облегчением.

– В залог этот участок пошел.

Эдвард вздрогнул, выпрямил спину.

– Этот участок? То есть, *моя* ферма? Вот *эта самая*?

Уоллес медленно, тяжеловесно кивнул.

Абите, хочешь не хочешь, пришлось опереться на буфет.

– Это… это что же ты такое несешь?

Уоллес ожег ее гневным взглядом.

– Женщина… не суй носа, куда не след.

Абита прикусила язык. Слишком уж хорошо она знала: женщинам вмешиваться в дела торговые настрого запрещено, таков закон.

– Уоллес, – заговорил Эдвард, – пожалуйста, объяснись. Я тебя не понимаю.

Уоллес злобно нахмурился, побагровел с лица.

– Как тут еще ясней выразиться? Я отдал это хозяйство в залог. Ссуду под него взял. Прости, но не ожидал я, что дело вправду так обернется.

– Но… какое ты имел *право*? Это *моя* земля.

– Брат, все не так просто, и ты прекрасно об этом знаешь.

– Что значит «все не так просто»? У нас… у нас ведь уговор. Я все платежи вносил вовремя. Остался всего сезон. Одно лето.

– Так я и не говорю, что это справедливо. То, что стряслось с табаком, по отношению к нам тоже несправедливо. Думаешь, мне все это по душе? Я просто стараюсь со всеми по справедливости обойтись, насколько получится. Не только с тобой – со всеми нами.

«Когда это ты, Уоллес, успел таким справедливым стать? – захотелось спросить Абите. – А справедливо ли было наследовать обе фермы только потому, что ты – старший из сыновей, а после вынуждать Эдварда выкупить у тебя эти жалкие акры в самой глуши? И цену назначить такую, что нам –

хоть побираться иди? Пятьдесят бушелей кукурузы в сезон. Пятьдесят! Самое меньшее, вдвое, если не втрое дороже настоящей цены. Это, по-твоему, справедливо?»

– Однако послушай, – продолжил Уоллес. – Выслушай до конца. Все не так скверно, как ты мог подумать. Я с лордом Мэнсфилдом кое о чем договорился.

– О чем же?

– Ты можешь остаться здесь. К чему тебе уезжать? Только платить будешь не мне, а Мэнсфилду.

– Стало быть, последний платеж ему причитается?

Уоллес уныло покачал головой.

– Никакого последнего платежа, братишка. Земля и все прочее теперь у лорда Мэнсфилда в собственности. Будешь возделывать землю и каждый год отдавать ему половину урожая.

– Как арендатор какой-то, – вполголоса проворчала Абита.

Уоллес смерил ее злобным взглядом.

– Я, Эдвард, замолвил за тебя словцо… положение объяснил. Лорд Мэнсфилд – он человек справедливый. Сказал, что готов обсудить условия, на которых со временем уступит землю тебе.

– А срок какой?

Уоллес пожал плечами.

– Лет двадцать, пожалуй.

«Двадцать лет? – подумала Абита. – Двадцать лет?! Эд-

вард, не позволяй ему с нами так обойтись!»

Но Эдвард молчал, не поднимая взгляд от столешницы, словно не знал, что сказать.

– И это нам еще повезло. Я старался, как мог, слово даю.

Абиту затрясло. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

«Эдвард, ты что, не видишь, он же тебя дурачит! Всю жизнь дурачит!»

Однако дело было ясное: сколько об этом ни тверди, Эдвард ничего такого не замечает. В людях, в том, что у них на уме, он разбирался из рук вон плохо и потому постоять за себя толком не мог, а ей оставалось только молча смотреть, как братец мужа снова и снова беззастенчиво этим пользуется.

– Дело наверняка можно решить как-то иначе, – заговорил Эдвард. – К примеру, что, если мы оба каждый сезон будем выкладывать малость побольше, чтобы помочь тебе расплатиться?

– Нет, я уже прикидывал. По-другому никак.

«Не уступай, Эдвард», – подумала Абита, шагнув вперед.

Эдвард, взглянув на нее, заметил ее возмущение. Ни слова не говоря, Абита яростно, страстно замотала головой.

– Прости, Уоллес, – сказал Эдвард, – но это же твой долг. Просить меня о таком просто нечестно. Я ведь в хозяйство вложил все, что мог, а ты собираешься попросту взять да отдать *мою* землю.

– Эдвард, чья это земля?

– В каком смысле?

– Братишка, – мягко, точно с ребенком, заговорил Уоллес, навалившись на край стола, – я уж, как мог, старался разговор повернуть так, чтоб тебя не обидеть, ведь оба мы знаем: ты у нас не всегда способен по-крупному соображать. Однако ты заставляешь меня говорить напрямик. Чья это земля?

– Ну, тут все не так просто. Земля…

– Тут все – проще некуда, – твердо сказал Уоллес, – только ты этого не можешь понять. В купчей на землю чье имя значится?

– Э-э… ясное дело, твое.

– Вот. А значит, земля – моя собственность, и, таким образом, может пойти – и пойдет – в уплату моих долгов. Вот так-то. Проще некуда.

«Ну нет, – подумала Абита, – все не так просто, Уоллес Уильямс. Ты сделку насчет этой земли заключил, а теперь, когда нам остался всего сезон до полной расплаты… вон что затеял? Думаешь, так просто назад все и заберешь?»

– Нет! – выпалила она вслух. – С чего это долг надо Эдвардовой землей отдавать? Как насчет… как насчет твоей собственной земли, Уоллес?

Уоллес поднялся на ноги, похоже, готовый отвесить Абите затрещину.

– Отчего эта женщина разговаривает?

– Абита! – прикрикнул на нее Эдвард. – Хватит. Пожалуйста. Извини Уоллес.

– Довольно я терпел ее выходки.

– О ней я позабочусь сам. А вот это дело… оно огорчает всех нас. И ты должен согласиться: вопрос вполне справедлив.

– Какой вопрос?

– Отчего ты взял ссуду не под собственные акры?

– Ты все еще не понимаешь? Это *и есть* мои собственные акры.

– Нет, речь о твоем хозяйстве.

– Да как у тебя язык повернулся?! – не на шутку обиженный, возразил Уоллес. – Ты всерьез предлагаешь отдать в чужие руки тот самый дом, где мы родились и выросли? Ту самую ферму, что стоила папе столько пота и крови? Да и какой смысл? Мое хозяйство вдесятеро дороже этой фермы.

– А сколько пота и крови вложил в эту землю Эдвард? – напомнила Абита. – Она ничего не стоила, пока Эдвард ее не расчистил и пахотным слоем не покрыл. Ты не землей, ты его *трудами* решил долг вернуть. Совести у тебя нет!

Эдвард в ужасе обернулся к ней.

– *Абита!*

– Ну все, с меня хватит! – прорычал Уоллес. – Я эту землю на Мэнсфилда переписал, на том и делу конец!

– Нет, не бывать этому! – закричала Абита, сама понимая, что ей давно пора остановиться. – Ты заключил сделку с Эдвардом и нарушить ее не посмеешь! Ишь, что придумал: расплатиться с долгами, родного брата в рабство продав!

– *Аби! Довольно!* – вскричал Эдвард.

– А ты, Эдвард, не позволяй ему себя запугать! Ты столько лет здесь трудился без продыху, а он…

– Абита! Ни слова больше!

Эдварда трясло. Казалось, он готов опрометью выбежать вон. Видя все это, Абита умолкла.

– Ну, паршивка, на этот раз ты перешла все границы, – процедил Уоллес, смерив ее яростным взглядом. – Уж теперь-то язык довел тебя до суда проповедников. Посмотрим, что они скажут насчет твоей дерзости.

Абита втянула голову в плечи: угроза была вовсе не шуточной. Сколько раз она видела, как женщин, неосторожно заговоривших о том, что у них на уме, выставляли закованными в колодки всем напоказ, а одну – за прегрешение куда меньшее, чем ее – даже высекли! Пожалуй, будь это первый ее проступок, угроза Уоллеса была бы не так страшна, однако Абиту уже взяли на заметку за невоздержанность на язык.

– Уоллес, – взмолился Эдвард, – прошу тебя… не надо. Я потрясен ее поведением. Пожалуйста, прости ее. Она так горяча… и к нашим обычаям еще не привыкла. Я…

– Нет. Хватит ей потакать. Ее уже сколько раз предупреждали. Завтра же под суд ее отдам. Самое время ей понять свое место.

Подхватив шляпу, Уоллес направился к двери, но Эдвард заступил здоровяку-братцу путь, поднял руки к груди.

– Прошу, Уоллес, не делай этого. Ради меня. Прошу.

Абита, дрожа всем телом, не сводила глаз с мужа, молящего о прощении… прощении для нее.

«И все из-за меня. Когда я только выучусь держать язык за зубами?»

Уоллес, отстранив брата, двинулся дальше.

– Ладно… я готов… готов разговор продолжить, – сдался Эдвард. – Насчет фермы… готов.

Остановившись, Уоллес взглянул на брата, точно на кающегося мальчишку.

– Я слушаю.

– Мне нужно только немного времени, чтобы собраться с мыслями, вот и все. Слишком уж многое разом навалилось. Ты ведь можешь это понять?

Уоллес молча ждал продолжения.

– Я… я, – начал Эдвард, с тревогой взглянув на Абиту, – я думаю, мы сможем договориться. Уверен, что сможем. И выход найдем.

– Ну вот, вот он, младший братишка, которого я с детства знаю и всем сердцем люблю. Порой ты забываешь, что папа оставил все мне неспроста. Он же прекрасно знал: умом ты не силен, вот и доверил мне за тобою приглядывать. И ты тоже должен мне доверять. Огорчать папу – последнее, знаешь ли, дело.

Эдвард опустил взгляд.

– А еще, Эдвард, если уж начистоту, по-моему, я бы с этим управился лучше, – со вздохом продолжил Уоллес, ткнув

пальцем в сторону Абиты. – Однако попробуй-ка тут сдержаться, когда эта гарпия над ухом зудит.

– О ней я позабочусь, только позволь разобраться с женой самому. Прошу тебя, не говори ничего проповедникам.

– Но сможешь ли ты с нею справиться, братец? Гляжу я на вас, и мне в это уже не верится. Разве не видишь, как она пользуется мягкостью твоей натуры, как вертит тобой, как подчиняет себе назойливой злой воркотней? Погляди-ка, даже сейчас вон как злобно глазищами блещет. Сдается мне, пара дней в колодках да хорошая порка ей только на пользу пойдут.

– Ни к чему. Я с ней управлюсь. Абита, – строго заговорил Эдвард, – извинись. Проси у Уоллеса прощения. Сейчас же!

Абита едва не задохнулась от возмущения. Пусть даже Эдвард всего лишь старался спасти ее от наказания, его слова казались хуже пощечины. Не доверяя собственному языку, она в страхе стиснула зубы.

– Абита! – едва ли не зарычал Эдвард.

Уоллес усмехнулся, и тут Абите сделалось ясно: да он же надеется, что она раскричится, разразится руганью, швырнет в него чем-нибудь – одним словом, укрепит его власть над Эдвардом. Почувствовав слезы, навернувшиеся на глаза, она до боли впилась ногтями в ладони.

«Придется, Аби. Иначе никак».

– Все без толку, брат, – подытожил Уоллес. – Она ни за что не…

– Прошу, Уоллес, прости меня, – едва ли не с яростью выпалила Абита. Все ее тело сотрясала крупная дрожь, щеки наверняка раскраснелись, как угли в печи. – Не стоило мне так говорить. Пожалуйста, прости мою непочтительность.

Эдвард перевел взгляд на рослого брата.

– Вот, видишь? Она в самом деле старается.

– Глаза у нее – что ножи, – сказал Уоллес. – Не нравится мне, как она меня взглядом буравит.

– Абита, опусти взгляд, – велел Эдвард.

Однако Абита по-прежнему не сводила глаз с Уоллеса.

– Абита!

Абита перевела взгляд на Эдварда. Как ей хотелось отвесить ему пощечину за то, что так обращается с ней на глазах у этой скотины! Однако стоило только увидеть в его глазах страх – страх за нее, по щекам неудержимо потекли горячие слезы, и Абита покорно устремила взгляд под ноги.

– Ну, Уоллес, чего тебе еще? Видишь, она раскаивается. Прошу тебя. Сегодняшний вечер для всех оказался нелегким. Я обещал пойти тебе навстречу, а об этом давай позабудем.

Украдкой подняв взгляд, Абита заметила на губах Уоллеса лукавую улыбку.

– Пожалуй, ты прав, братишка, нам сейчас не до мелочей, и ссориться из-за дурно воспитанной бабы совсем ни к чему. Но попомни мое слово: если она еще раз сунется в наши дела, плетей ей не миновать. Понятно?

– Да, – отвечал Эдвард. – Конечно.

– Тебе все понятно, Абита? – не унимался Уоллес, от души наслаждаясь каждой секундой триумфа. – Теперь тебе ясно, где твое место? Отвечай же. Мне нужен твой собственный ответ, чтоб в следующий раз обошлось без споров. Теперь… тебе… *ясно*… где… твое… место?

– Ясно, – кое-как процедила Абита сквозь зубы, не поднимая глаз.

Уоллес злорадно осклабился. Сомнений быть не могло: от визита к брату он получил все, что хотел, и даже более.

– Тогда до завтра, братишка, – с неожиданной беззаботностью сказал Уоллес. – Встретимся после службы. Обговорим подробности и известим проповедников, как обстоят дела.

С этим он, нахлобучив шляпу, вышел наружу.

– Не спеши, Аби, – окликнул Абиту Эдвард.

Обернувшись, Абита обнаружила, что он тащится следом,

в полудюжине ярдов позади, едва различимый в утреннем тумане. Горб здорово замедлял его шаг.

Абита остановилась, дожидаясь мужа.

– Опаздывать нельзя, Эдвард. Сегодня – *никак* нельзя.

– Времени еще уйма, – отдуваясь, заверил он. – Мы почти пришли, а первого удара колокола я пока что не слышал.

– И в самом деле, – кивнула Абита. – Мне просто на сердце слишком уж неспокойно. Всю ночь глаз сомкнуть не могла.

Однако в тревоге заключалась лишь половина правды: про сны об исполинском дереве, шепчущем ее имя, о могучих корнях, точно змеи, ползущих следом за ней по темному лесу, она не заикнулась ни словом.

– Ничего, Абита! Сама знаешь, в этом деле правда за нами. С Божьей помощью проповедники разберутся, кто прав.

«С Божьей помощью, – подумала Абита. – Если бы я вправду могла на нее положиться! Но где был Господь Бог, когда у меня на глазах умерла мать, а отец повредился умом от горя и выпивки? Мне бы твою веру, Эдвард! Насколько проще, насколько спокойнее стала бы жизнь…»

И тут Эдвард, будто прочел все это в ее взгляде, взял ее за руку.

Но Аби отдернула руку.

– Что с тобой?

Абита промолчала.

– Все еще за вчерашнее злишься?

– А кто бы не злился?

– Аби, я ведь просил прощения, но если тебе хочется снова это услышать, будь по-твоему. Прости меня. Не хотел я с тобой так разговаривать, но пришлось, сама понимаешь. Не то Уоллес на тебя бы донес.

Да, это Абита понимала прекрасно. А еще понимала, что он кругом прав, что она перешла все границы… однако с обидой совладать никак не могла. Между тем Эдвард с трудом подыскивал нужные слова, да только все запинался.

– Без тебя мне, Абита, хоть пропадай. Правда, об этом и говорить-то не след… это тебе и самой известно.

Абита взяла мужа за руку, и пальцы Эдварда крепко стиснули ее ладонь. Этот простой жест говорил куда больше любых его слов, однако звон колокола – единственный, первый удар – напомнил, как они близко к деревне. Поспешно выпустив руку Абиты, Эдвард отступил на полшага, и оба тревожно заозирались: прилюдные нежности входили в длинный список грехов человеческих, а ревнителей благопристойности повсюду вокруг было – хоть отбавляй.

Оба двинулись дальше. Чем ближе к деревне, тем глубже становились выбитые в земле тележными колесами колеи, нередко вынуждавшие путников обходить ледяные лужи, продираясь сквозь придорожные кусты. Вскоре колокол прозвонил дважды, и Абита, наконец, замедлила шаг.

– Слишком рано появляться нам тоже ни к чему. На месте нужно быть как раз перед тем, как двери закроют.

– Уоллес будет не слишком этому рад. Уверен, ему хоте-

лось бы обсудить дело до службы.

– Да-да, и еще как, – улыбнулась Абита.

Об этом она догадывалась и не хотела давать Уоллесу ни единого шанса сбить Эдварда с толку до разговора с проповедниками.

Навстречу пахнуло рекой, а после впереди, в дымке тумана, точно призрак, показались ворота деревни. От ворот в обе стороны тянулись, исчезая в тумане, громады бревенчатых стен. Заостренные верхушки бревен казались рядом смертоносных клыков. Частокол этот окружал всю деревню, а выстроен был затем, чтоб защищать ее, ограждать саттонцев от всяческих зол. Однако Абита, входя внутрь, содрогнулась: минуя ворота, она всякий раз чувствовала себя, скорее, в ловушке, чем под защитой.

Караульных у ворот не оказалось: все отправились в церковь, а потому Абита с Эдвардом беспрепятственно двинулись дальше, вдоль улицы, старательно обходя стороной лужи и кучи навоза. Справа и слева тянулись ровные ряды скромных, крытых соломой домов.

Каждый следующий дом выглядел в точности как предыдущий: внакрой обшит некрашеными досками, а от соседнего отделен серой оградкой, связанной из тонких жердей. Как ни приглядывайся, нигде не видать ни единого украшения – ни единой гирлянды, ни одной низки высушенных цветов, ни одного яркого пятнышка среди гнетущей бескрайней серости. С обеих сторон на Абиту взирали тусклые окна, затя-

нутые вощеной бумагой, словно бы выносящие ей приговор, взвешивающие ее душу, только и поджидающие, чтобы она сказала, сделала что-нибудь не то, дабы немедля обличить грешницу у всех на глазах.

Над печными трубами не поднималось ни струйки дыма: все очаги, и кухонные плиты, и свечи были погашены, так как все жители Саттона молча, чинно шли на воскресную службу. Вокруг слышался только хруст легкой изморози под их башмаками. Казалось, Абита с Эдвардом заблудились в каком-то мрачном, унылом, всеми оставленном городке.

Но вот, наконец, впереди показалась общинная площадь. За нею, едва различимый в тумане, темнел силуэт дома собраний.

– Только гляди, не забудь, на чем мы с тобой сговорились, – негромко сказала Аби. – Не позволяй этому типу…

– Помню, помню, – шепнул в ответ Эдвард. – Все оговорено не меньше дюжины раз. Я постараюсь, слово даю.

– Прости, Эдвард. Я вовсе не хочу тебя раздражать. Просто… просто столькое на кон поставлено, что…

Улыбнувшись, Эдвард ненадолго, украдкой сжал ее руку.

– Ты меня и не раздражаешь, Аби. Ты – мое благословение. Ты мне сил придаешь. Не тревожься, я помню, что и как должен сказать. Будем надеяться, проповедники рассудят нас по справедливости. Ну, а теперь ты мне тоже пообещай кое-что.

Абита смерила мужа настороженным взглядом.

– Обещай, как бы дело ни повернулось, язык держать за зубами и стоять, где стоишь. Иначе плохи твои дела. Чуть что не так, не миновать тебе колодок, а то и плетей – Уоллес такого случая не упустит. Обещай.

– Обещаю, – согласилась Абита, а про себя подумала: «Господи Боже, прошу, помоги мне сдержаться».

Тут в пелене тумана недвусмысленным напоминанием о том, что ждет непокорных, показались колодки. Увидев их, Абита похолодела: смотреть на колодки без страха она не могла.

Общинную площадь украшал позорный столб в окружении пяти колодок: две ростовых, с ярмом, смыкавшимся на запястьях и шее, и еще три с парными отверстиями для лодыжек над самой землей, так что наказанным приходилось сидеть в грязи. Впервые оказавшись в Саттоне, Абита была поражена их количеством – просто постичь не смогла, зачем такой невеликой общине столько колодок, однако с тех пор не раз видела все их занятыми.

Вот и сейчас, по крайней мере, одни зря не простаивали. Подойдя ближе, Абита с Эдвардом увидели человека, ссутулившись, сидящего на земле у сомкнутых на лодыжках колодок.

– Джозеф? – вполголоса окликнул его Эдвард.

И вправду, это был Джозеф, однако в ответ он даже взгляда не поднял – наоборот, отвернулся, будто не в силах совладать со стыдом. Крепко вцепившись в собственные лок-

ти, прижатые к телу, он неудержимо дрожал, и вскоре Абита смогла разглядеть, отчего. Его одеяла валялись на земле, совсем рядом, но так, что рукой не дотянешься. «Зачем же он отшвырнул их?» – удивилась она, однако, заметив грязь на его спине и в волосах, поняла: конечно же, это не он. Кто-то сыграл с Джозефом злую шутку.

– Вот бедолага…

С этими словами Абита поспешно подобрала одеяла, шагнула к Джозефу, но тут же приостановилась, заметив запекшуюся кровь на его спине и сообразив, что он жестоко исполосован плетью.

– Ох, Джозеф… за что тебя так?

Осторожно укутав его одеялами, она разглядела в волосах Джозефа не только грязь, но и навоз. Вот это уж точно частью назначенной кары быть не могло. Это уж кто-то своим разумением забаву такую себе нашел.

– Кто это, Джозеф? Кто отнял у тебя одеяла?

Джозеф, не отвечая, укрылся одеялами с головой, будто в попытке спрятаться.

– Не стоит этого делать, – раздалось сзади.

Оглянувшись, Абита увидела дочь Уоллеса, Черити, идущую к церкви в компании подруги, Мэри Диббл.

– Дядюшка Эдвард, сделай ей одолжение, вели не вмешиваться.

– А ты, Черити Уильямс, последила бы за собой, – грозно (вернее, на свой манер грозно) откликнулся Эдвард. – Не в

том ты возрасте, чтобы со взрослыми так разговаривать.

Девчонки остановились.

– Вы не подумайте, дядюшка, я ведь совсем не из дерзости. Просто видеть тетушку в колодках, рядом с этим человеком, не хотела бы, особенно на таком холоде.

В словах ее слышалась одна только забота, однако в глазах не отражалось ничего, кроме презрения к Абите.

Рядом с девчонками остановилась дородная, кряжистая Гуди Диббл, мать Мэри.

– Что у вас тут опять?

– Абита пособляла этому грешнику. Я и подумала: надо бы ее о последствиях предупредить.

– Абита, – осуждающе нахмурилась Гуди, – разве ты не знаешь, что натворил этот человек? Да он же пропустил средьнедельную службу!

«На службу, значит, в среду не явился», – поняла Абита. Живущим в пределах деревни надлежало посещать две службы в неделю, а не одну, о чем она нередко забывала.

– И он не только в почитании Господа нерадив, – громогласно, в праведном возмущении продолжала Гуди, устремив в сторону Джозефа обвиняющий перст, – но вдобавок лгун! Ведь он сказал преподобному Картеру, будто во время службы от желудочных колик на ногах не держался. А между тем соседи-то его видели дрыхнущим в амбаре и до службы, и после, и живо обманщика на чистую воду вывели! Это ж подумать только: самому преподобному солгал!

«А тебе, Гуди, – подумала Абита, – тоже неплохо бы в колодках посидеть – за постоянные сплетни, да за то, что вечно нос в чужие дела суешь».

На площади появились двое молодых парней – братья Паркеры, Люк и Роберт.

– Он все еще здесь? – удивился Люк.

– Ага, – ответила Черити. – И я этим, после того, что он натворил, нисколько не удивлена.

– Приговор был – четыре ночи, – подхватила Гуди. – Ручаюсь, в другой раз он службу уже не проспит!

Неспешно нагнувшись, Люк поднял с земли конское яблоко и запустил им в Джозефа. Замерзший навоз угодил бедолаге в плечо. Джозеф негромко, сдавленно вскрикнул.

– Что вы делаете? – ошеломленная, ахнула Абита.

Люк глянул на нее, словно не понял вопроса, снова нагнулся и подхватил еще одно из конских яблок.

– Он исполняет долг перед Господом, – пояснила Гуди Диббл. – Преподобный Картер говорит, что каждый из нас обязан изгонять Дьявола отовсюду… где б он ни затаился.

Остальные – и даже девчонки, и даже Гуди Диббл – согласно закивав, последовали примеру Люка, склонились к земле, за комьями мерзлой земли и навоза.

Абита прикрыла ладонью рот. Съежившийся в комок, Джозеф тоненько, жалобно заскулил под градом ударов.

Сильнее всего поражала серьезность бросавших: ни улыбок, ни смеха, свойственных этакому бесшабашному озор-

ству, все лица мрачны, неподвижны… Пожалуй, будь все это просто жестокостью, Абита поняла бы бросающих куда лучше, но нет: они словно бы бились с самим Сатаной, неизвестно зачем вселившимся в бедного Джозефа.

В конце концов, огромное конское яблоко угодило Джозефу точно в висок. Истязуемый рухнул на бок.

– Прекратите! – закричала Абита, шагнув вперед.

Однако Эдвард ухватил ее за плечо.

– Абита, не надо.

– Пусти! – зарычала Абита, рванувшись из его рук.

И тут сзади строго спросили:

– Почему вы не на богослужении?

Все замерли.

Из тумана на площадь вышел худощавый, длиннолицый, лет около пятидесяти человек в шляпе с высокой тульей и длинном, просторном плаще – его преподобие Томас Картер собственной персоной. Тень широких полей шляпы, падавшая на лицо главного из проповедников, не скрывала ни густых, тяжеловесных бровей, ни сурового взгляда, оценивающего, взвешивающего любое слово и дело каждого.

– Взгляните на ваши руки. Они грязны.

Пораженные, собравшиеся на площади утратили дар речи.

– Вымойте руки и ступайте в церковь. *Немедля*.

Побросав комья грязи и конские яблоки, истязатели со всех ног бросились прочь, а Абита и Эдвард остались наеди-

не с преподобным Картером. Оставалось только надеяться, что тот не видел, как Абита помогала Джозефу, иначе вряд ли примет их сторону в споре.

– Идемте со мной, – велел его преподобие.

Оба послушно двинулись следом за ним к дому собраний.

– Итак, Абита, ты полагаешь, что помогла Джозефу?

Абита разом похолодела.

– Я… я вовсе не хотела переступать границы дозволенного, сэр. Я только… только…

– Ты никогда не хочешь переступать границы дозволенного, однако переступаешь их снова и снова. Отчего же?

– Я… я стараюсь не… я вправду стараюсь!

– Ты полагаешь, что обошлась с Джозефом милосердно?

– Я просто подумала… подумала, что они так жестоки…

– Разве ты не понимаешь, что твои благие намерения препятствуют стараниям Джозефа обрести прощение? Препятствуют стремлениям всей нашей общины?

– Не знаю, сэр.

– Джозеф должен понять: его прегрешения осуждают все до единого. Это не всегда просто и – да, порою жестоко, но иного пути у нас нет. Если один из родителей наказует дитя за скверное поведение, но другой лишь утешает плачущего ребенка, уроки впрок не идут, и единство семьи под угрозой. Это тебе понятно?

– Да. Наверное, да, – отвечала Абита, изо всех сил стараясь сообразить, как все это связано с забрасыванием челове-

ка навозом.

– Все мы должны биться с Дьяволом заодно. Позволив же Дьяволу посеять меж нами рознь, погибнем. Так?

– Так, – согласилась Абита.

Перейдя общинную площадь, все трое приблизились к дому собраний – огромному, мрачного вида строению, подобно всем прочим постройкам в Саттоне, внакрой обшитому голыми серыми досками и вообще лишенному каких-либо прикрас. Прибывшая в Саттон из Лондона, Абита здорово удивилась, не обнаружив здесь настоящей церкви со шпилем, увенчанным крестом, а после, узнав, что пуритане вообще считают церкви, пусть даже самые скромные, прегрешением супротив Господа, была просто потрясена. По этой причине церковные службы и устраивали в доме собраний – в тех же стенах, где решались мирские, общественные дела.

Но в этот день одно украшение на фасаде дома собраний имелось. К стене над входом был приколочен гвоздями ряд волчьих голов. На досках темнели багровые потеки крови. За убитых волков в Саттоне выплачивалось вознаграждение, и эти трофеи служили всем напоминанием, что окрестные земли неизведаны, дики, а посему гибель и Божий суд могут постичь всякого в любую минуту. Взглянув в остекленевшие глаза истребленных волков, Абита невольно вздрогнула.

На крыльцо они поднялись как раз в ту минуту, когда адъюнкт[1] Картера, преподобный Коллинз, приготовился за-

[1] У протестантов адъюнктом называется помощник пастора, имеющий право

пирать двери. Пожелав ему доброго утра, все трое вошли внутрь.

Сейчас здесь, в этом зале, собралась вся деревня, все жители Саттона, общим числом более сотни душ. Рассаживались согласно земельной собственности и положению в общине; мужчины слева, женщины справа. Абита на миг сжала плечо Эдварда, и он двинулся к отведенному для него месту. Сама она прожила в Саттоне целых два года, однако все еще считалась в общине чужой, и потому сидеть ей надлежало на самой последней скамье с женской стороны. К конфирмации ее до сих пор не допустили и в общину не приняли – не в последнюю очередь из-за поведения, оттого и сажали среди прислуги. Сказать откровенно, Абита была этому только рада: много ли удовольствия до конца службы чувствовать затылком оценивающие, а то и осуждающие взгляды прихожан?

– Абита, – вполголоса окликнула ее Хелен, помахав ей рукой.

Однако на Хелен тут же зашикали: до завершения богослужения женщинам надлежало молчать.

Завидев Эдварда, Уоллес протолкался к нему, уселся рядом, склонился к уху невысокого младшего брата.

«Похоже, этот дурень снова твердит, чего ожидал бы от Эдварда отец, их драгоценный папенька, – подумала Абита, закусив губу. – Клянусь, он себя всерьез считает отцовским

совершать богослужения и требы. (Здесь и далее – примечания переводчика).

душеприказчиком. Теперь осторожнее, Эдвард! Думай, что говоришь, как следует думай! Тип этот – сущий змей».

Добрую половину прошедшей ночи она снова и снова учила Эдварда, как и что говорить, но… Да, притязания Уоллеса выходили за рамки всего, о чем они когда-либо слышали, да, законных оснований у него никаких не имелось, однако и Эдвард, и Абита прекрасно знали: здесь, в Саттоне, закон частенько толкуется *очень и очень* по-разному, в зависимости от настроений и предубеждений, не говоря уж о том, много ли у человека земли и прочих богатств. Конечно, преподобный Картер казался человеком честным, справедливым ко всем, но двое других священников тем же постоянством в суждениях вовсе не отличались. Вспомнив об этом, Абита оглянулась на преподобного Смита, ближайшего соседа Уоллеса, приятельствовавшего с ним с детских лет.

Встревоженная, Абита смежила веки, скрестила пальцы и помолилась о том, чтобы сегодня Господь помог им, принял их сторону. Открыв глаза, она увидела сына Кэдвеллов, Сесила, украдкой строящего ей рожи, и поняла, что у нее снова выбились волосы из-под чепца. За всем этим, не скрывая ревности и неодобрения, наблюдала дочь Уоллеса, Черити. Истово постучав кончиком пальца по собственному чепцу и указав на Абиту, Черити привлекла к ней внимание еще полудюжины женщин, а те, осуждающе хмурясь, покачали головами.

«О Господи! Можно подумать, у меня обе дойки наружу, –

подумала Абита, со вздохом убрав непокорную прядь назад, под чепец. – Вот чушь-то! Кому какой вред от пряди волос?»

Звучный хлопок затворенных дверей дал всем понять, что служба вот-вот начнется. Собравшиеся заерзали на жестких скамьях без спинок, сели прямо, повернулись вперед, замерли.

Миновав зал, вперед вышел преподобный Томас Картер. Все поднялись, приветствуя его появление. Сняв плащ, его преподобие занял место за кафедрой. Долгополых ряс он, в отличие от прочих священнослужителей, не носил, предпочитая им простой черный коут[2] с отложным белым воротником, в которых ходил почти каждый день. С грохотом, гулким эхом разнесшимся по всему залу, водрузив на кафедру, рядом с большими песочными часами, увесистую Библию, преподобный Картер открыл книгу на первой закладке, заговорил… но тут в двери робко постучали.

Преподобный Картер кивнул Сэмюэлу Харлоу, одному из деревенских блюстителей порядка, стоявшему в задних рядах с длинным, увенчанным деревянным набалдашником шестом в руках: этим орудием ему вменялось в обязанность колотить и шпынять дерзнувших отвлечься от богослужения.

Подойдя к выходу, Сэмюэл распахнул двери.

На пороге, опустив взгляд под ноги, прижимая шляпу к груди, стоял Ансель Фитч.

---

[2] В XVII веке – куртка длиной до середины бедра, с рукавами по локоть.

– Войди, Ансель, – велел преподобный Картер, взглянув на опоздавшего через головы паствы.

Ансель с суетливым поклоном поспешил к свободному месту в заднем ряду.

– Ансель, – окликнул его преподобный.

– Да, ваше преподобие?

– Встань.

Опоздавший послушно поднялся со скамьи. Годами он был старше многих – на взгляд Абиты, лет этак под шестьдесят, тощий, как хлыст, малость сутулый, с вечной гримасой обиды на морщинистом узком лице и бегающими рачьими глазками, выпучившимися в эту минуту так, будто вот-вот лопнут.

– Ты опоздал, – со вздохом продолжил преподобный Картер, – и хорошо знаешь, что это значит.

– Прошу вас, простите… у всех прощенья прошу. Меня задержал долг перед Господом нашим, спешное дело, безотлагательное! По пути сюда я заметил двух кошек, и эти кошки вели себя самым противоестественным образом. Идут себе рядышком, что-то бормочут друг дружке на ухо, а кто ж на такое способен, кроме служителей Дьявола?! Вот я и решил разведать, что у них на уме. Прошу, ваше преподобие, смилуйтесь, простите мне грех на сей раз!

– Сколько раз я уже даровал тебе прощение? Три, или даже четыре? Не часто ли ты берешься следить за кошками или иными прислужниками Сатаны перед самым началом

службы? Тут поневоле задумаешься, в чем же причина твоим опозданиям – в бдительности, или, может, в простом нежелании вылезать из-под одеяла так же рано, как все мы.

Ансель побагровел, возмущенно, с видом оскорбленной невинности вытаращился на проповедника.

– Должен сказать вам…

– Довольно! Твой долг перед Господом начинается здесь, на богослужении. А теперь выйди вперед.

Сморщившись, будто его силком заставляют поедать кусачих муравьев, Ансель нога за ногу подошел к преподобному, и тот указал ему на пол, сбоку от кафедры.

– Сюда. Встань на колени.

Со стоном, звучно хрустнув суставами, Ансель опустился на колени. Согласно закону, ему надлежало стоять здесь, на жестких половицах, перед всей паствой до самого конца проповеди.

Преподобный Картер вновь взялся за Библию, прочел вступительную молитву, а после молитвы перевернул песочные часы и начал проповедь. Обыкновенно проповедей читалось три, по одной на каждого из проповедников, так что их поучения растягивались на три с лишним часа.

«Бубнят и бубнят, бубнят и бубнят, – удивлялась Абита, слушая и не понимая, как можно снова и снова повторять одни и те же нравоучения каждым воскресным днем. – Дело-то куда проще, – думалось ей. – Обращайся с другими, как хотел бы, чтоб они обращались с тобой, вот и все. О чем

тут еще говорить?»

Однако весь опыт Абиты показывал: вопросы морали пуритане склонны усложнять, насколько это в человеческих силах. Странное дело: ведь все эти эдикты, ритуалы, каноны – особенно отдававшие католичеством – и были самой сутью того, что они отвергали, так как их убеждения призывали к уничтожению всех преград меж ними и Господом на небесах. Нагляднее всего это кредо проявлялось именно здесь, в доме собраний, среди голых стен без какого-либо убранства: ни алтаря, ни распятия, ни единого украшения, кроме нарисованного на кафедре огромного глаза, ока Господня, сверлящего собравшихся пристальным, всевидящим взглядом.

Покосившись на глаз, Абита поспешно отвела взгляд, охваченная неодолимой тревогой. Под этим неумолимым взглядом ей всякий раз вспоминался совсем не Господь, а отец, его гневные разглагольствования и исступленный бред – особенно под конец, после смерти матери.

Между тем пыл преподобного набирал силу, за кафедрой он стоял прямо, непоколебимо, слегка подавшись всем телом к пастве, словно встречая грудью все ветры самой Преисподней. Вцепившись в край кафедры узловатыми пальцами левой руки, в правой он сжимал Библию, пристукивал ею, подчеркивая каждое новое обличение, внушая саттонцам, как им стать добродетельнее в глазах Господа.

Тут кто-то вскрикнул. Оглядевшись, Абита увидела потирающего затылок Сесила: помощник шерифа Харлоу только

что звучно приголубил его колотушкой. Должно быть, Сесил задремал, а может, был уличен в перешептываниях с одним из друзей.

Абита поспешно выпрямилась, расправила плечи, как и многие из остальных: показаться нерадивым не хотелось никому. «Клянусь, здесь, в доме собраний, холодней, чем на улице», – подумала она, плотнее кутаясь в шаль, чтобы хоть немного согреться. В зале имелась огромная печь, но топить ее во время служб запрещалось, так как кто-то где-то решил, будто холод проповедям только на пользу, будто замерзшие прихожане отчего-то становятся ближе к Богу. «Кому это могло прийти в голову? Какой жестокий глупец решил, что это хорошая мысль?» – гадала Абита, представляя себе кучку желчных старикашек в высоченных шляпах, собравшихся в каком-то вонючем погребе и наперебой старающихся перещеголять друг дружку в изобретении новых мытарств для прихожан.

За кафедру в свою очередь встал преподобный Коллинз, а после его, наконец, сменил преподобный Смит. Где-то на середине проповеди преподобного Смита Ансель начал стонать. Абите даже из заднего ряда было прекрасно видно, как он пытается облегчить муки, перенося тяжесть тела то на одно колено, то на другое. Да, в Саттоне его, шныряющего по деревне, подглядывающего за соседями, всюду высматривающего козни нечистой силы и ведовство, считали полоумным, однако сейчас, коленопреклоненный, поникший голо-

вой, он казался всего-навсего несчастным стариком, внушающим невольную жалость. Вот только сочувствия в глазах прихожан Абита не замечала – одно только осуждение. Порой ей казалось, что чужие оплошности доставляют саттонцам великую радость, позволяя им выглядеть лучше, благочестивее, и уж наверняка удостоиться места близ Господа, когда Он, наконец, призовет к себе своих чад.

Сквозь плотные тучи в утреннем небе пробился солнечный луч. Окна дома собраний были остеклены, хотя стекло в Саттоне считалось редкостью: большая часть домовладельцев до сих пор обходилась вощеной бумагой. Стоило мягкому, покойному свету солнца согреть щеку Абиты, слова проповедника начали меркнуть, превращаться в невнятный отдаленный гул, и взгляд ее, скользнув по рядам собравшихся, остановился на изящной шее, квадратной челюсти, полных губах, легкой улыбке шерифа, Ноэ Питкина. Уже не в первый раз Абите подумалось, как прекрасно было бы почувствовать на губах его губы, а его сильные руки – на грудях…

Почувствовав легкий трепет в чреслах, она моргнула и разом опомнилась.

«О нет, Аби. Ты лучше душу себе не трави. Не место здесь».

Взгляд ее метнулся в сторону Эдварда, и тут Абите сразу же сделалось совестно. Эдвард неизменно был с нею добр, и ей очень хотелось воздать ему по справедливости. Однако это не всегда давалось так просто: ведь он куда чаще напоми-

нал добродушного дядюшку, чем мужа. Да, отчасти из благочестия, но и из-за увечья, из-за странностей в образе мыслей. Сколько раз ей приходилось напоминать себе, что Эдвард неловок со всеми, не только с ней! Вновь покосившись на шерифа, Абита вздохнула. «Мне просто нужно чувствовать себя желанной, Эдвард, вот и все. Всего-то навсего».

– Встаньте, – велел преподобный Картер, прервав мысли Абиты.

Поднявшись, Абита вместе с прочими женщинами принялась дожидаться, пока к выходу, начиная с передних рядов, молча, степенно не проследует вереница мужчин. Проходя мимо, Эдвард взглянул на нее, и Аби ответила ему ободряющим взглядом. По пятам за Эдвардом, придерживая младшего брата за плечо мясистой ладонью, с широкой, уверенной улыбкой на лице шел Уоллес.

«Эх, стать бы мужчиной хоть на сегодня, – подумалось Аби. – Как бы я поставила этого нахала на место!»

После того, как мужчины вышли за порог, настала очередь женщин. Сидевшей на последней скамье, Аби казалось, что ее черед не настанет вообще. «А еще медленнее плестись ты не можешь?» – думала она, провожая взглядом старую вдову Пратт, ковылявшую мимо, но вот, наконец, и ей представился шанс протиснуться к двери мимо полудюжины девиц помоложе. Оказавшись снаружи, Аби увидела Эдварда, Уоллеса и всех трех проповедников, направляющихся к общинной площади, и двинулась за ними, но тут ей заступила дорогу

Хелен.

– Принесла? – спросила она, украдкой оглядевшись, не слышит ли кто.

– А? Что?

– Амулет, – одними губами прошептала Хелен.

«О Господи, ну конечно», – подумала Абита и хлопнула по карману передника, уверенная, что позабыла об амулете за утренней суматохой, но нет, амулет, упрятанный в крохотный узелок из мешковины, оказался на месте. Должно быть, Абита сунула его в карман накануне.

Хелен округлила глаза.

– Это он и есть?

Абита, кивнув, вложила узелок ей в ладонь, и Хелен прижала приобретение к груди.

– И подействует? В самом деле подействует? – едва слышно спросила она. – На Исаака, как ты и сказала?

– В самом деле, – подтвердила Абита, глядя за спину Хелен и больше не видя Эдварда. Ей нужно было спешить.

– А мне надо просто положить его под подушку с…

– Да, да, – заверила ее Абита. – Просто сделай в точности как я сказала. Но помни: я ничего не обещаю. Бывает, музы щедры на дары, бывает, нет.

Однако Абита не сомневалась, что амулет поможет, подействует, так как любому имеющему глаза было ясно: Исааку Хелен нравится нисколько не меньше, чем он ей.

– А как же насчет…

Бросив взгляд за спину Абиты, Хелен метнулась прочь. Не успела Абита обернуться, как на плечо ее легла чья-то ладонь.

То была Сара Картер, жена главного из священников. Казалось, эта парочка сошла с одного и того же ткацкого станка: супруга преподобного разделяла пристрастие мужа к самой скромной одежде. Если большинство женщин предпочитало красить плащи и юбки коричневым или индиго, то матушка Картер облекала свои сухопарые, тщедушные стати только в простейшие черные платья, а голову покрывала простейшим белым чепцом.

– Абита. Твои волосы, – сказала она, с неодобрением кивнув на чепец Абиты.

– Волосы? – удивилась Абита, но тут же все поняла: из-под чепца снова выбилась непокорная длинная прядь.

Сообразив, в чем дело, она поспешила спрятать волосы.

– Тебе нужно внимательнее следить за собой. Направить помыслы вот этих юношей в ненужную сторону способна любая мелочь.

– Да-да. Прошу прощения, матушка Картер.

– Просить о прощении следует не меня – Господа.

– Разумеется, мэм, – с поклоном ответила Абита.

Блеснув голубыми глазами, матушка Картер пристально оглядела ее с головы до ног. Абита знала: жена преподобного оценивает длину рукавов – не слишком ли обнажены запястья, и длину юбки – не видна ли из-под нее лодыжка, а

заодно высматривает, не украшает ли ее наряд полоска кружева, или цветная ленточка, или еще что-нибудь супротив многочисленных правил насчет излишней роскоши.

«Неужели у нас без этого забот мало?» – подумала Абита, старательно сдерживая раздражение.

– Длинные волосы есть орудие Дьявола, – сказала матушка Картер. – Отчего бы тебе не подумать о короткой стрижке, как у других женщин?

– Да, об этом я уже думала, – соврала Абита, – но Эдвард… Эдварду так больше нравится.

Это была чистая правда. В самом деле, дома, в их скромной хижине, Эдвард нередко уговаривал Аби снять чепец и откровенно любовался ее кудрями. Чувствовать себя привлекательной Абите нравилось. В ее внешности имелось немало такого, что ей хотелось бы изменить, но к волосам – длинным, густым, после мытья завивающимся сами собой – это не относилось. Пожалуй, матушка Картер объявила бы это гордыней, и, может статься, нисколько бы в том не ошиблась, однако в подобной гордости Абита не находила ничего дурного.

– И еще, девочка, – добавила матушка Картер, – ты не настолько хитра, как думаешь. Не вздумай попасться мне на глаза за баловством со снадобьями да оберегами. Ни здесь, ни где-либо в пределах деревни. Сегодня я сделаю вид, будто ничего не заметила, но в следующий раз отдам тебя в руки его преподобия.

Абита невольно вздрогнула. Да, она знала, прекрасно знала, чем рискует, однако в деревне, если не считать воскресных служб, появлялась нечасто, а среди саттонцев пошел слух, будто Абита – женщина непростая, сведущая, хотя правдой это было только отчасти. Действительно, порой она «баловалась ведовством», при возможности обменивая пустяковые амулеты и снадобья на всякие полезные мелочи, однако ведуньей опытной себя не считала. Вот мать – да, та действительно была женщиной непростой. Именно благодаря наставлениям матери, прерванным безвременной смертью, едва Абите исполнилось двенадцать, она и располагала сейчас горсткой целительных зелий и оберегов, да еще умела кое-как ворожить.

– Вы очень добры ко мне, мэм. Благодарю вас, – сказала Абита и, наскоро поклонившись, помчалась прочь, пока жена преподобного не успела сказать чего-либо еще.

Эдварда она отыскала за разговором с Уоллесом, преподобным Картером и обоими его адъюнктами, преподобным Коллинзом и преподобным Смитом, что доводился Уоллесу соседом и добрым другом. Уоллес казался спокойным, невозмутимым, и Абита сочла это дурным знаком.

Подойдя ближе, насколько хватило смелости, она спряталась за толстым кленом. Если ее поймают за подслушиванием деловых разговоров, не миновать ей строгого выговора, а может, даже колодок.

– Словом, дело проще простого, – во весь голос, твердо,

точно одна громогласность делает это правдой, объявил Уоллес. – Земля моя. О чем тут еще говорить?

Эдвард неуверенно теребил поля шляпы.

– Но… по-моему… я, понимаете…

«О нет, – подумала Абита. – Только не это. Только не мямлить!»

Встретившись взглядом с Эдвардом, она стиснула руки перед грудью и натянуто улыбнулась мужу: крепись, дескать, крепись. Эдвард расправил плечи, прикрыл глаза, кивнул, устремил взгляд прямо на преподобного Картера и заговорил – ясно, без лишних слов, в точности как учила Абита. На преподобного Картера вся надежда, в этом оба были согласны. Если удастся убедить в своей правоте его, по крайней мере, преподобный Коллинз тоже займет их сторону.

– Первому эта земля была обещана мне. Это и есть суть дела. Отнять ее у меня и отдать другому – все равно, что отступиться от данного слова.

Аби затаила дух, вглядываясь в лица священников.

– Братишка, – заговорил Уоллес, будто бы с сожалением покачав головой, – это моя земля. С этим мы вчера вечером определились. Ты ею распоряжаться не вправе, пока не расплатишься за нее сполна, а этого еще не произошло. Пока ты на ней разве что самую малость больше, чем арендатор.

– По-моему, Уоллес полностью прав, – закивал преподобный Смит. – Пока за землю не заплачено, по закону надел принадлежит ему, и Уоллес вправе делать с ним, что захочет,

в том числе и отдать за долги.

«Ох, да ты же туп, как полено дубовое! – подумала Абита, с трудом одолевая желание подойти и вправить этому типу мозги, и пусть ее потом хоть под плети кладут, лишь бы выслушали. – Эдвард, ты справишься. Сможешь. Вспомни, о чем мы с тобой говорили. Давай, Эдвард, скажи им, иначе все, ради чего мы столько сил положили, пропало!»

Эдвард откашлялся.

– Я, как уже говорил, расчистил надел от камней, раскорчевал, покрыл плодородной землей. Улучшил настолько, что большая часть его стоимости – плод моего труда. И выплатил почти все, кроме последнего платежа. По справедливости, это одно дает мне право распоряжаться землей. Однако на самом деле вопрос намного серьезнее. Тут речь о том, чтоб держать слово, данное перед церковью и Господом. Я все, что обещал, исполнил, а Уоллеса всего-навсего прошу исполнить свои обещания.

Абита моргнула.

«Здорово сказано, Эдвард!»

Преподобный Картер смерил Эдварда пристальным взглядом, словно бы заново оценивая его, и, наконец, кивнул.

– Да, Эдвард. Сейчас ты сказал весьма важную вещь. Кто мы таковы, если не держим своего слова? На мой взгляд, дело ясное.

– И что же вам ясно? – осведомился Уоллес.

Преподобный Картер повернулся к нему.

– Уоллес, твой уговор с Эдвардом предшествует соглашению с лордом Мэнсфилдом, не так ли?

– Да, но…

– Посему, на мой взгляд, нарушить его – все равно, что забрать назад дарованное, обещанное другому. Разве ты сам этого не видишь?

Уоллес покачал головой.

– Нет, не вижу. И рассуждений ваших не понимаю.

– А вот я вас, ваше преподобие, вполне понимаю, – кивнув, вмешался в разговор адъюнкт Коллинз. – Уоллес не имел права обещать землю лорду Мэнсфилду, так как уже обещал ее Эдварду.

– Именно, – подтвердил преподобный Картер. – И потому суждение мое таково… пока Эдвард вовремя вносит оговоренные платежи, земля, возделываемая трудами Эдварда, по праву, если не по бумагам, должна принадлежать ему, и распоряжаться ею должен только он. Что скажете вы двое?

Абита негромко пискнула и поспешила прикрыть рот ладонью.

Уоллес вмиг помрачнел, как туча.

– Что? Ну нет! Не бывать этому. Я…

Преподобный Картер вскинул кверху ладонь.

– Довольно, Уоллес. Ты свое слово сказал. Служители Господа… что скажете вы?

– Да, я с вами согласен, – объявил преподобный Коллинз.

Казалось, преподобный Смит колеблется, однако и он,

пусть нехотя, но кивнул.

– Прости, Уоллес, но я тоже склонен с этим согласиться.

– Тогда на том и порешим, – подытожил преподобный Картер.

Абита едва сдержала желание завопить, со всех ног броситься к Эдварду, обнять его, что есть сил. Такой отваги, такой уверенности в себе она за ним еще не замечала. Казалось, она вот-вот расплачется от счастья.

Ошеломленный, Уоллес будто никак не мог поверить своим ушам.

– Нет, а с лордом Мэнсфилдом мне как же быть? Как мне тогда с ним расплатиться?

– Твой долг – это ваше с ним дело, – ответил преподобный Картер. – Придется тебе подыскать другой выход.

– Нет! – на глазах багровея, прорычал Уоллес. – Я не согласен! И требую…

– Уоллес! – прикрикнул на него преподобный Картер. – Ты повинуешься беспрекословно, или под суд угодишь.

Уоллес полоснул проповедников испепеляющим взглядом. Казалось, он готов броситься на преподобного с кулаками.

– Посмотрим, что скажет на это лорд Мэнсфилд.

Преподобный Картер моргнул, словно слегка опешив.

– Здесь Саттон, а не Хартфорд, – слегка раздраженно сказал он, – и лорд Мэнсфилд нам не указ.

Уоллес устремил полный ярости взгляд на Эдварда.

– Погляди, кем ты стал, – процедил он. – Наслушался этой бабы и против родного брата пошел! Предал отца и его наследие! Скажи спасибо, что папы здесь нет, что не видит он всех твоих гнусностей, иначе у него от стыда и разочарования сердце разорвалось бы!

Презрительно усмехнувшись напоследок, Уоллес развернулся и стремительным шагом направился прочь.

Глава вторая

Пинком захлопнув за собой дверь, Эдвард внес в дом охапку наколотых дров. Дрова он сложил у печи и подкинул в топку пару полешек. Абита заканчивала готовить ужин –

яичницу-болтунью с вчерашними кукурузными лепешками.

Улучив минутку, Абита расшнуровала тугой корсет, со вздохом облегчения сбросила его на кровать, развязала и сдернула с головы чепец.

«В Саттоне о таком и речи бы быть не могло, – подумала она, зная, что женщинам здесь не положено снимать чепцы даже на ночь. – Но я же не в Саттоне, верно?»

Встряхнув освободившимися волосами, она запустила пальцы в длинные локоны и снова, возможно, в тысячный раз, не меньше, порадовалась нахлынувшему чувству свободы, а еще тому, что живут они тут, в глухомани, вдали от множества любопытных глаз и болтливых языков.

Наконец Абита водрузила сковороду на стол, и оба сели за ужин. Эдвард сложил руки перед грудью. Абита сделала то же.

– Аминь, – сказал муж, закончив благодарственную молитву.

– Аминь, – сказала и Абита, и оба принялись за еду.

– Отчего ты так киснешь, Эдвард? Тебе бы улыбаться, а ты…

Эдвард оторвал взгляд от тарелки.

– Э-э… а, да. Да. Знаю.

– Ужин не удался? Да, верно, кукурузные лепешки черствоваты. Смалец у нас с тобой кончился, но…

– О нет, Абита. Не в ужине дело. Ты и из горшка сосновой коры лакомство приготовишь. Нет, дело совсем не в еде.

Абита молчала. Она давно усвоила: чтобы разговориться, Эдварду нужно время.

– Дело в Уоллесе, – со вздохом сознался муж. – Что он сказал о папе…

Махнув рукой, он умолк.

– Хочешь сказать, тебе стыдно? Чушь полная, и ты, Эдвард Уильямс, лучше меня это знаешь. Брату твоему – вот кому стыдно должно быть.

– Согласен, – кивнул Эдвард. – Да, я многого не понимаю, не замечаю, но уж такие-то вещи понять способен. Это не просто ссора. Он ведь мне брат. Родной брат. Разрыв с братом… от этого-то на сердце и тяжело.

– И Уоллес прекрасно об этом знает. Знает, Эдвард, и пользуется этим, будто оружием, играет на твоей братской любви, чтоб вертеть тобой, как захочет.

Эдвард надолго умолк, устремив взгляд в огонь.

– Ты же помнишь о моих затруднениях. Что люди для меня – загадка. Что я сроду не понимал, чего от них ждать… что говорить, что делать. Подрастая, прочие дети это приметили… а дети порой очень жестоки к тем, кто на остальных не похож. Так вот, Уоллес всегда за меня заступался. Никому не позволял надо мной измываться… никому.

Эдвард вновь замолчал. Абите очень хотелось напомнить, что теперь Уоллес сам над ним измывается, и даже хуже, но вместо этого она лишь вздохнула.

– Быть может, со временем эти раны заживут.

Эдвард не отвечал, по-прежнему глядя в огонь.

Поднявшись, Абита подошла к буфету, сняла с полки кастрюльку, поставила ее на стол и подтолкнула к Эдварду.

– Что это? – удивленно моргнув, спросил он.

– А это я тебе еще кое-что приготовила.

Эдвард нахмурил брови.

– Открой же, глупый!

Сняв крышку, Эдвард увидел внутри горстку хрустящего медового хвороста. На губах его мелькнула улыбка.

– Может, все остальное у нас и на исходе, – сказала Абита, – но меда, благодаря твоему мастерству пасечника, еще хватает.

Сунув в рот ломтик хвороста, Эдвард принялся с хрустом жевать.

– Спасибо, Аби.

– Сегодня ты замечательно себя показал, – заметила Абита. – С Уоллесом справился. Я тобой так гордилась: знала ведь, насколько для тебя такие вещи трудны. Но ты был просто восхитителен!

– Да, уж это точно, – просияв, даже негромко хмыкнув, согласился Эдвард. – А ты мне из-за того дерева рожи корчила… и, знаешь, так помогло! Откуда только в такой крохе, как ты, этакий твердый нрав?

С этими словами он вернул крышку на место.

– Нет, съешь еще. Ты заслужил.

Эдвард взял себе еще ломтик.

– Всего одна, последняя выплата, Эдвард, и мы свободны! Вспомни об этом. А как только от долгового ярма избавимся, всего у нас будет в избытке. И я смогу покупать сахар, и смалец, и соль, и столько имбирных пряников тебе напеку – ешь до отвала! А может, хватит даже на ткань, чтоб новую одежду пошить. Чтоб в кои-то веки не выглядеть, как попрошайки.

– Бог даст, все у нас с тобой будет, – сказал Эдвард, накрыв ее руки ладонями. – А ты, Абита Уильямс – просто благословение Господа. Что б я без тебя делал?

– Мы с тобой – просто пара белых ворон, – рассмеялась Абита. – Что ж, может, вдвоем и найдем себе место под солнцем.

Сложив тарелки и ложки с ножами в большую лохань, чтоб вымыть поутру, Абита обнаружила Эдварда за извлечением из-за буфета спрятанной там черной кожаной сумки.

Муж поднял на нее взгляд.

– Абита, ты мне сегодня почитаешь?

– Почитаю, – с улыбкой отвечала она. – Знаешь же, что почитаю.

Пристроив сумку возле кровати, Эдвард снял сапоги, сел, зажег масляную лампу, вынул из сумки пару книг и выбрал из них одну. Читать он умел и сам, но очень уж медленно складывал буквы в слова.

– Что сегодня читаем, Эдвард?

Муж подал Абите «Королеву духов» Эдмунда Спенсера.

– А-а, моя любимая!

– Я помню.

Эту книгу Абита привезла с собою из Англии. Как всполошился Эдвард, впервые увидев ее, как горячо настаивал, чтобы Абита немедля ее сожгла: ведь среди пуритан чтение любых книг, кроме Библии почитается за тяжкий грех… Однако Абите удалось уломать его послушать несколько глав, и после этого Эдвард согласился сберечь книгу, пока она не будет дочитана до конца. Сейчас они читали «Королеву духов» уже по третьему разу, а книг в доме завелось целых шесть. Похоже, с тех пор без приобретения нового романа не обходилась ни одна поездка в Хартфорд.

«Да, Эдвард, пожалуй, ты не безнадежен», – с улыбкой подумала Абита.

Раздевшись до нижней рубашки, она устроилась на кровати, рядом с мужем, скрестила ноги, открыла книгу там, где остановилась в последний раз, и начала читать.

Тем временем Эдвард подтащил к себе сумку. Ее он унаследовал от отца. Внутри хранились несколько угольных карандашей и пять-шесть дюжин старых листов пергамента. Пергамент был сплошь исписан многословными отцовскими толкованиями всевозможных отрывков из Библии, но сохранил его Эдвард вовсе не ради них, а из любви к рисованию и украшал эти страницы – с лицевой стороны, с оборотной, хоть чистые, хоть поверх строк – на удивление точными, уверенно выполненными рисунками. Вот и сейчас он

достал пергамент и уголь, уложил сумку на колено, а сверху пристроил пергаментный лист, чтобы порисовать, пока Абита читает вслух.

– Я так радуюсь, когда тебе удается выкроить время для рисования, – сказала Абита, наугад вынув из стопки листок.

Рисунок, как и большая часть их, оказался ее портретом, одним из первых, нарисованных Эдвардом: лицо кривовато, глаза косят, губы – всего-навсего толстые линии… Абита тихонько хихикнула. Выглядела она здесь, точно печальное огородное пугало, однако, несмотря на всю грубость рисунка, узнала в портрете себя, а вынув из стопки еще один, сделанный совсем недавно, изумленно подняла брови. Вот это разница! Здесь черты ее лица и волосы слагались из мягких, волнистых, оживленных растушевкой штрихов. Но больше всего ей нравилось, что Эдвард изобразил ее настоящей красавицей. Оставалось только надеяться, что он вправду видит Абиту именно такой.

– Эдвард, скажи: как так выходит, что каждый новый рисунок получается лучше прежнего? Может, ты в детстве уроки рисования брал?

– О нет, единственным уроком изящных искусств за всю мою жизнь была порка, заданная отцом, заставшим меня за рисованием. Кажется, мне тогда было лет около восьми. Рисовать снова я начал только после смерти отца, и то не сразу.

– Тогда как же у тебя получается? Как можно постичь мастерство рисования самоучкой?

– Само собой выходит, – подав плечами, ответил Эдвард. – По-другому объяснить не могу.

– Вот эти, новые, просто чудесны. А невозможность вставить их в рамки и повесить на стену – сущее безобразие!

Представив себе ужас на лице Сары Картер при виде одного из этих рисунков, Абита хихикнула и вынула из стопки еще листок. Этого она раньше не видела. Тут Эдвард изобразил ее спящей: волосы, точно в сказочных грезах, вьются вокруг озаренного лунным светом лица; особо подчеркнуты полные губы и выпуклость полуобнаженной груди…

«Вот красота-то! Какая же красота!» – подумала она, взглянув на Эдварда так, точно видит его впервые. В эту минуту, страстно чертя углем по пергаменту, он сделался просто прекрасен: губы слегка приоткрыты, в глазах огонь…

«По-моему, за всей этой неловкостью прячется романтик».

С этой мыслью Абита показала Эдварду рисунок.

– Ты вправду такой меня видишь?

Муж, покраснев, кивнул.

Озорно улыбнувшись, Абита потянула книзу ворот рубашки, медленно обнажила плечи, а после и грудь.

Эдвард отвел взгляд, уставился на пергамент.

– Мне нравится, Эдвард. А нарисуй меня… вот такой? Пожалуйста.

Не ответив ни слова, Эдвард краешком глаза выглянул из-за пергамента, не спеша, без нажима, принялся рисовать. Но

вот уголь в его руке замелькал быстрее, едва ли не с лихорадочной быстротой, устремленный на Абиту взгляд мужа ожил, дыхание участилось, и сердце Абиты тоже застучало куда быстрее.

– Эдвард, похоже, читать я больше не в настроении.

Отложив книгу, она вынула из рук мужа пергамент и карандаш, отложила в сторонку и их, и поцеловала Эдварда в губы.

Казалось, Эдвард на миг растерялся, не зная, что делать, но тут же страстно ответил на поцелуй. Языки их встретились, ладони Эдварда легли на грудь, скользнули к бедрам.

Любя друг друга во мраке, под треск огня в очаге, ни Абита, ни Эдвард даже не заметили пауков – многих дюжин пауков самой разной величины, разом вылезших из укрытий, засеменивших по полу, по потолку. Не заметили они и трех небольших теней, замерших в дальнем углу комнаты, парящих над полом, в ожидании глядя на них.

– Нет, папа, твою ферму я сохраню, – шептал Уоллес, шагая по ступеням, ведущим к роскошному парадному крыльцу особняка лорда Мэнсфилда. – Клянусь тебе, сохраню.

Трижды ударив в дверь увесистым бронзовым молотком, он принялся ждать.

При виде гостя вышедший на стук дворецкий слегка растерялся.

– Мистер Уильямс, сэр… э-э… сегодня я вас не ожидал.

– Да, но мне нужно увидеться с лордом Мэнсфилдом. По срочному делу.

– Хм-м… позвольте, я справлюсь, готов ли он вас принять. Прошу, входите. Можете присесть здесь, в фойе.

В дом Уоллес вошел, однако садиться не стал, а вместо этого зашагал из угла в угол и мельком заглянул в примыкавшую к фойе гостиную. В стенах особняка лорда Мэнсфилда он оказался впервые и от души восхищался бронзовыми дверными ручками, канделябрами, прекрасными живописными полотнами, узорчатыми коврами, изысканной мебелью. Лорд Мэнсфилд тоже был пуританином, однако даже среди пуритан богатство и положение в обществе приносили их обладателям немалые привилегии. Некоторые вовсе считали, что богатство свидетельствует о благоволении Господа, а посему его не только можно, но и дóлжно выставлять напоказ.

– Уоллес… сэр, – окликнул его дворецкий, – лорд Мэнс-

филд примет вас в кабинете. Прошу, ступайте со мной.

Проводив Уоллеса до конца коридора, дворецкий распахнул перед ним одну из дверей.

– Можете войти.

Переступив порог, Уоллес увидел перед собой трех человек в элегантных покойных креслах. Все трое дымили трубками так, что от дыма в кабинете было не продохнуть. Ноздри защекотал аромат табака. Собравшиеся оживленно беседовали, и потому Уоллесу оставалось только стоять да ждать. Наконец лорд Мэнсфилд поднял на него взгляд.

– А, Уоллес! Входи, входи. С мировым судьей Уотсоном ты, если не ошибаюсь, знаком?

Невысокий, пухленький человек средних лет, в напудренном парике, разодетый с иголочки, оглянулся на дверь и кивнул Уоллесу.

– Действительно, встречаться нам доводилось, – кивнув в ответ, подтвердил Уоллес.

– А это его помощник, капитан Джон Мур.

Суровый на вид, темноглазый, с ног до головы в черном, капитан смерил Уоллеса испытующим взглядом. Из-за его широкого кожаного пояса торчала рукоять кремневого пистолета, а рядом, прислоненная к подлокотнику кресла, стояла шпага в ножнах.

– Не имел удовольствия.

– Капитан, это Уоллес Уильямс. У нас с ним кое-какие совместные дела. Уоллес – сын Натаниэля Уильямса. Того

самого Натаниэля Уильямса, одного из основателей Саттона.

– Ну, кто такой Натаниэль Уильямс, мне напоминать ни к чему, – сказал Мур, поднимаясь и протягивая Уоллесу руку. – Искренне рад знакомству. Я бился плечом к плечу с вашим отцом, когда был совсем еще молод.

Оба обменялись рукопожатием.

– Да, – подтвердил лорд Мэнсфилд, – если бы не отец Уоллеса, как знать, удалось бы мне сохранить при себе вот этот прелестный скальп? Ведь это он, Натаниэль, подставил мне плечо в тот день, при Ферри-Пойнт, когда я получил стрелу в бедро, вот сюда! Вместе мы кое-как доковыляли до форта Сэйбрук, а эти растреклятые краснокожие дикари не оставляли нас в покое всю дорогу. Твой отец, Уоллес, был замечательным, на редкость замечательным человеком.

– Благодарю вас, сэр. Услышать такое от вас дорого стоит. Вы же понимаете, что он для меня значил.

– Верно, верно, всем нам весьма его не хватает. Ну, а теперь говори, с чем пожаловал? Судя по выражению лица, новости – так себе?

Уоллес сокрушенно вздохнул.

– Вижу, я не ошибся, – заметил лорд Мэнсфилд. – Что ж, присаживайся и расскажи, каковы наши дела.

– С сожалением вынужден сообщить: вся загвоздка в жене брата, Абите. Я изложил Эдварду ваше справедливое, великодушное предложение, и он, несомненно, не стал бы артачиться, сделал бы все, что от него требуется, как обычно.

Как всегда. Однако его супруга продолжает совать нос в наши дела, при всяком удобном случае вбивает между мною и братом клин. Она-то и подучила его отвергнуть ваши условия.

– Что? Баба? – удивился судья Уотсон, впервые нарушив молчание. – Так отчего же ты сразу преподобным на нее не донес?

– Следовало, но брат упросил не делать этого, и я обещал дать ей еще один шанс, – пояснил Уоллес, покачав головой. – Сам же теперь и жалею. Брат… он умом не силен, вот она этим и пользуется, настраивает Эдварда против меня.

– Добрая ты душа, Уоллес, – сказал лорд Мэнсфилд. – Как о брате заботишься… Я понимаю: родная кровь, но вспомни не только об Эдварде, вспомни об интересах каждого. Тебе и о собственной семье позаботиться нужно, а он загоняет тебя в тупик. Хочешь не хочешь, придется тебе пойти к преподобному Картеру. Преподобный Абите этаких выходок с рук не спустит, и Эдварда, я уверен, вразумит непременно.

Уоллес нерешительно кашлянул.

– Уже ходил, но… э-э… но эта ведьма вбила в голову Эдварда столько всякого вздора, что он сумел убедить проповедников в своей правоте.

– Что? – ошеломленно выдохнули все трое. – На каком основании? Как это?

Уоллес изложил разговор с проповедниками во всех подробностях, однако недоумение лорда Мэнсфилда с гостями

только усилилось.

– Преподобный Картер у меня с давних пор – что заноза в боку, – сказал лорд Мэнсфилд. – Порой он настолько прямолинеен, что не воспринимает истинного смысла наших заповедей во всем его богатстве и широте.

– За деревьями леса не видит, – вставил судья Уотсон.

– Да, именно. В этом и состояла вся суть наших разногласий еще тогда, многие годы назад. Поэтому он и откололся, и поселился там, в Саттоне.

Испустив долгий вздох, лорд Мэнсфилд глубоко затянулся табачным дымом.

– Уоллес, мой долг перед твоим отцом – позаботиться, чтобы ни ты, ни Эдвард не остались без ферм. Выход, для всех приемлемый, несомненно, найдется. К примеру… что, если каждый из нас возьмет на себя часть долга? Я снижу сумму первого платежа, а остальное разделим меж вами двумя. Выплачивайте, скажем, по четвертине от урожая с ваших хозяйств в течение десяти лет, а после оба свободны и ничего никому не должны. Что скажешь?

– На мой взгляд, более чем справедливо, – заметил судья.

«Десяти лет?!»

Уоллес едва не задохнулся от возмущения, но тут же вспомнил, что в ином случае вовсе лишится фермы, и неохотно кивнул.

– Уверен, Эдвард бы согласился. Во имя отца так бы и поступил. Но, повторюсь, загвоздка не в нем – в этой бабе.

Боюсь, как ваше предложение ни справедливо, ее ядовитый язык испортит все дело.

– Значит, придется нам о ней позаботиться, – сказал судья.

– Да, позаботиться об этой Абите придется, – согласился лорд Мэнсфилд. – Послушай, Уоллес, я понимаю твое желание уберечь брата от неприятностей, однако настаиваю: о поведении его жены донеси преподобному немедля. Непокорства в семье он не потерпит, а хорошая порка и пара ночей в колодках, на холодке, научит ее не совать нос, куда не след.

Уоллес блекло улыбнулся.

– Позвольте и мне добавить кое-что. Думаю, пригодится.

С этим судья Уотсон подошел к письменному столу, отыскал лист пергамента и вынул перо из чернильницы. Набросав на листе несколько фраз, он свернул пергамент и подал Уоллесу.

– Всего лишь намек, – пояснил он. – Напоминание преподобному: мы очень надеемся, что он уладит дело, как подобает.

– А если и из этого ничего не выйдет, – добавил лорд Мэнсфилд, – тебе, Уоллес, настоятельно рекомендуется придумать, что с этим можно поделать. Ее выходки – дерзкий вызов основам нашего общества, и тебе, и всем добрым жителям Саттона, и самому Господу Богу. Знаю, ты – человек набожный, благочестивый, но если Дьявол рукой этой женщины сеет смуту меж правоверными, ради восстановления

порядка от праведного пути можно и отступить. Ты меня понимаешь?

– Думаю, да, сэр.

– Во имя Господа даже ангелам нередко приходится браться за темное дело, – добавил судья Уотсон. – Не так ли?

Уоллес, чуть поразмыслив над этим, кивнул – скорее, себе самому, чем собеседникам.

– А что ж… в самом деле, приходится.

Обменявшись с обоими твердым рукопожатием, Уоллес направился к выходу. По дороге домой в голове его снова и снова звучали слова судьи.

«Во имя Господа даже ангелам нередко приходится браться за темное дело».

– *Проснись!*

– Отстаньте.

– *Они здесь. Ты должен убить их.*

– Кого?

– *Этих людей… принюхайся – и учуешь*.

Принюхавшись, зверь вправду учуял кровь, текущую в человеческих жилах. Люди… двое… Зверь поднял веки.

– *Ты должен убить их, Отец*.

– «Отец»?

– *Помнишь ли ты свое имя?*

Зверь призадумался.

– Похоже, имен у меня немало?

– *В самом деле, немало*.

– Кто вы?

– *Твои дети. Ты должен защитить нас, защитить Пау-пау… от этих людей. Не подведи нас. Не подведи нас снова*.

– Я так устал…

– *Тебе нужна еще кровь, да побольше*.

Издали, сверху, донесся глухой удар, и козлоподобный зверь осознал, что не только слышит людей, но и *чувствует* их, чувствует души обоих, мужчины и женщины. Мужчина приблизился вплотную к проему.

– *Мы позовем их, приведем их к тебе. Ты сделаешь остальное. Настал час попировать*.

– Да. Настал час попировать.

– Хватит. Ближе не надо, – сказала Абита.

Эдвард, с топором на плече, не слушая ее, подошел к самому зеву пещеры.

– Эдвард, ты же упадешь.

– Бог мой, женщина, успокойся же, наконец. Никуда я не упаду.

– Стой! – с неожиданной жесткостью велела Абита. – Он… Эдвард, *он* там.

Эдвард взглянул ей в глаза.

– Знаю, ты меня дурой считаешь, но… э-э… я вправду, вправду чувствую: он там, внутри.

– Кто «он»?

– Дьявол! – выпалила Абита. – Я чувствую!

– Дьявол? – усмехнулся Эдвард. – Сам Дьявол, здесь, в наших лесах? Так надо же преподобного Картера поскорее предупредить!

– Я не шучу!

Щеки Абиты раскраснелись, и, видя это, Эдвард вновь усмехнулся.

– Абита, ты вправду боишься, что старина Косиног схватит меня и утащит к себе в берлогу?

Судя по выражению лица, Абита именно так и полагала.

– По-твоему, это смешно? – воскликнула она, хлопнув о бедра ладонями. – Ну, так возьми да сам туда прыгни, избавь нас с Косиногом от лишних хлопот. Я за него беспокоюсь, а он…

Да, Эдвард видел: Абита вправду волнуется за него, очень и очень волнуется, а если так, усмехаться тут нечего.

– Ох, Абита, прости. Я не хотел над тобой насмехаться. Не бойся. Я осторожно, слово даю.

Похоже, это Абиту слегка успокоило, однако она по-прежнему то и дело косилась в сторону пещеры, и Эдвард поневоле задумался: что же она там видела, что ей могло там почудиться? Как бы то ни было, Абите хотелось, чтоб он загородил вход в пещеру воротами – будто бы для того, чтобы скотина туда больше не забредала, но, видимо, наоборот. Скорее, затем, чтоб обитатель пещеры не смог выбраться наружу.

С небес донесся громкий клекот. Абита вздрогнула. Оба подняли взгляды.

– Лебеди-трубачи, – сказал Эдвард. – С юга домой возвращаются.

Абита сдвинула чепец на затылок, чтоб разглядеть птиц

получше, и длинные пряди ее волос рассыпались по плечам, засияли густой рыжиной в лучах солнца, пляшущих среди ветвей.

«Ну и красавица же ты у меня», – подумалось Эдварду.

Уоллес – тот вечно отпускал колкости насчет ее вида, насчет веснушек и худобы. Возможно, Абите вправду недоставало милых округлых щек с ямочками, как у Ребекки Чилтон, или пышности форм Мэри Диббл, однако, на взгляд Эдварда, поразительные зеленые глаза Абиты выглядели куда живее, красивее, чем у обеих этих девиц, вместе взятых.

– Весна на носу, – заметил он. – Глядишь, скоро уже и сеять пора.

Абита одарила его жутковатой, едва ли не хищной улыбкой, и эту улыбку Эдвард понял без слов.

– И, с Божьего соизволения, мы скоро с *ним* расквитаемся, – процедила она. – Придется Уоллесу кем-то другим помыкать. Ах, Эдвард, дождаться бы только! Славный же то будет день, а?

– Уж это точно.

Шагнув к мужу, Абита взяла его за руку. В ответ Эдвард легонько сжал ее пальцы и сразу же выпустил, однако Абита привлекла его ближе, обняла, прижалась животом к его животу. Сразу же вспомнив об их ночном сладострастии, Эдвард напрягся всем телом, покраснел, отстранился от жены, не в силах взглянуть ей в глаза.

– Что с тобой, Эдвард?

– Знаешь, не надо бы нам так поступать. Плоть ведь нас слабыми делает. Вот вчера ночью я перешел все границы, и как же мне теперь стыдно…

Абита отпрянула прочь, переменившись в лице так, точно он дал ей пощечину.

«Вот видишь, – подумал Эдвард, – постыдное сладострастие ведет только к мукам. Изорву я этот рисунок, все эти рисунки изорву. Прости, Господи, мою слабость».

Тем временем Абита, отвернувшись от него, подошла к пещере. Судя по осанке, ей было здорово не по себе. Пошарив в кармане передника, она повесила над входом в пещеру какой-то пустяк. Приблизившись, Эдвард увидел, что это крестик из перьев и прутиков, связанных красной шерстяной нитью.

– Что это?

– Всего-навсего оберег. Моя мать такие же делала, чтобы недобрые духи держались подальше.

Эдвард поспешил оглядеться вокруг.

– Абита, брось эту затею. А вдруг люди увидят?

– Здесь нет никого, кроме нас.

– Нет уж. Довольно этих твоих чародейств, слышишь? С ними пора покончить, – твердо сказал он и только после понял, что прозвучало все это резче, чем следовало.

– Это же просто рябиновые прутики и пряжа, Эдвард. Как…

– Эти прутики с пряжей тебя до позорного столба, до пле-

тей доведут!

– Эдвард, тебе прекрасно известно: обереги делают многие из саттонских женщин. На счастье, не более.

Действительно, так оно и было. Действительно, деревенские жители отнюдь не гнушались домашними снадобьями, зельями, талисманами – всем, чем сумеют разжиться. Пользовались ими, конечно, тайком, однако для всех это было делом вполне обычным.

– Вот это, – возразил Эдвард, указав на крестик из прутиков, – не просто безделка на счастье. Сейчас же пообещай мне покончить с чарами и амулетами навсегда.

– А откуда у нас, по-твоему, нынче утром лепешки на завтрак взялись? Твой брат такое ярмо взвалил нам на шею, что без моих амулетов да чар, без торговли ими, не нашлось бы в доме ни муки, ни соли.

– В-вот как? – запнувшись, пролепетал Эдвард. – Ну что ж, отныне придется перебиваться как-то иначе, а с этим нужно покончить раз и навсегда. Слишком уж дело опасное.

– Я осторожно.

– Но от Господа-то ничего не скрыть! Увидит он нас и покарает по делам нашим!

– Что на тебя вдруг нашло, Эдвард? Это из-за прошлой ночи? Брось ты, не верь, что Господь покарает тебя за невеликое удовольствие, за попытку найти хоть немножко радости в этом суровом, холодном мире!

– Исполни в кои-то веки мою просьбу. Довольно чар, Аби-

та. Довольно. Поклянись оставить это занятие.

– Ты совсем как отец. Может, мне вообще от всех радостей в жизни отречься? Мне уже до смерти надоела эта надобность страдать без нужды. Страдания никого к Богу не приближают! – выкрикнула Абита, сдернув с карниза над входом в пещеру рябиновый крестик. – Я всего-навсего хотела уберечь тебя от всякого зла, таящегося там, под землей. Но если тебе угодно, чтоб оно выползло навстречу, делай, как знаешь, а мне все равно!

В последний раз бросив опасливый взгляд на пещеру, Абита развернулась и стремительным шагом направилась прочь.

Эдвард смотрел ей вслед, пока она не скрылась среди деревьев.

«Ну почему, что я ни говорю, все выходит неладно? – думал он. – Абита, я же только хотел сказать, что не вынесу, если с тобой вдруг случится беда. Не смогу я снова… снова остаться один».

Тяжко вздохнув, он принялся приглядываться к ближайшим деревьям, выбирать подходящие для сооружения ворот. Тут ему бросилось в глаза, как хороша в этом месте почва. Доброе выйдет поле, если участок расчистить…

Вдруг из пещеры донесся негромкий стон.

Эдвард развернулся к ней, вскинул над головой топор, замер в ожидании… Нет, никого. Ни медведей, ни дьяволов.

«Чудится всякое», – подумал он, опуская топор.

Однако странный звук он не просто слышал – почувствовал, словно чье-то прикосновение, и нисколько в этом не сомневался.

«Это все Аби, наверное, с ее разговорами. Заладила: дьяволы, дьяволы, вот тебе дьяволы и мерещатся».

В надежде увидеть Абиту он оглянулся назад, в сторону дома, но обнаружил, что остался один. Между тем солнце скрылось, спряталось за густыми тучами, а лес вдруг стал теснее, словно сами деревья придвинулись к Эдварду вплотную.

Из пещеры снова донесся голос – на сей раз, скорее, плач, а может, блеянье.

«Самсон? Ну конечно, – едва не рассмеявшись, подумал Эдвард. – Козел наш. Кто там еще может быть?»

Подступив к пещере, он заглянул внутрь, но в темноте не видно было ни зги. Негромкое блеянье слышалось откуда-то издали, из глубины. Сняв шляпу, пригнувшись, Эдвард пошел на звук, старательно ощупывая топором землю – не подвернется ли под ноги яма. Мало-помалу его глаза приспособились к мраку, но, оглядевшись, он не увидел вокруг ничего, кроме нескольких веток да прошлогодней палой листвы. Однако в воздухе веяло не только прелыми листьями, и этот запах Эдварду, в свое время забившему на мясо немало домашней скотины, оказался прекрасно знаком. В пещере явственно пахло кровью.

Снова блеянье… вроде бы из сумрака в дальнем углу.

– Самсон! – позвал Эдвард.

Сощурившись, пригнувшись, чтоб не цеплять макушкой низкого свода, он сделал еще пару шагов, но тут же остановился.

«Без толку все это, – подумал он. – Тут фонарь нужен».

Но, стоило ему повернуть назад, за спиной кто-то тоненько захныкал.

«Ребенок? Да нет, попросту эхо шутки шутит».

Покачав головой, он продолжил путь к выходу… но жутковатый негромкий плач не смолкал. Казалось, странные звуки сквозь уши ползут прямо в голову.

«Уходить надо», – подумал Эдвард.

И тут плач перешел в шепот – в шепот, обращенный к нему, только слова удалось разобрать не сразу.

– *Помоги… пожалуйста… помоги…*

Эдвард замер на месте. Вроде бы детский, голос казался неестественно гулким, так что и не понять, вправду ли его слышишь, или слова звучат только в твоей голове.

– Хелло! – окликнул говорящего Эдвард. – Кто здесь?

– *Помоги мне*.

– Держись, я принесу фонарь и веревку. Подожди малость.

– *Мне страшно*.

– Держись, держись. Я скоро вернусь.

– *Не могу, не могу удержаться, вниз соскальзываю!*

Эдвард призадумался. С одной стороны, голос странный,

почти нечеловеческий… однако кому, кроме человека, он может принадлежать?

– *Помоги!*

Нет, это ему уж точно не чудится.

– *Помоги мне!*

Вдали, во мраке, мелькнуло личико – детское, вероятно, мальчишеское, едва ли не мерцающее. Озаренное причудливым призрачным светом, оно словно бы парило над полом пещеры, подобно отделенной от туловища голове.

– Помоги же! Пожалуйста!

Гулко сглотнув, Эдвард опустился на колени и со всей быстротой, на какую хватило храбрости, нащупывая путь топорищем, пополз к ребенку. За первой пещерой оказалась вторая; здесь пол шел под уклон. Эдвард потянулся к ребенку, однако малыш, точно дразня его, легким облачком дыма отпорхнул прочь. Тут-то Эдвард и обнаружил, что перед ним вовсе никакой не ребенок, а… а…

«А кто же? Рыба? Рыба с детским лицом?»

Вскрикнув, Эдвард отдернул руку.

«Ребенок» захихикал, заулыбался, обнажив два ряда крохотных игольно-острых зубов, а Эдвард сумел разглядеть, что плоть жуткой твари дымчата, полупрозрачна – что сквозь нее кости видны!

– О Боже! Господи Иисусе!

Тут что-то коснулось его затылка. Невольно вздрогнув, Эдвард обернулся назад. Еще лицо, совсем рядом, нос к носу

с ним. Еще ребенок… но нет, глаза-то, глаза – что глубокие черные ямы! Разинув пасть, жуткая тварь завизжала, а следом за ней завизжал от ужаса Эдвард, и сзади тоже раздался пронзительный визг.

Вскочив, Эдвард ударился макушкой о низкий свод подземелья так, что в глазах помутилось, и полетел, покатился куда-то вниз, тщетно стараясь нащупать во тьме хоть какую-нибудь опору. Сильный удар о камень, жгучая боль от столкновения со стенками ямы – еще, и еще, и еще… и, наконец, спустя целую вечность, падение кончилось.

Эдвард открыл глаза. Лицо мучительно саднило, голова раскалывалась от боли, а вот ниже шеи он не чувствовал ничего, и понимал, что это истинное благословение – ведь тело его наверняка превратилось в бесформенное кровавое месиво. Из груди сам собой вырвался стон.

Вокруг должна была царить непроглядная темнота, однако спертый воздух подземелья мерцал неярким зеленоватым светом, и в этом свете Эдвард сумел разглядеть скальные выступы, валуны… и россыпь *костей*. Куда ни глянь, всю землю устилали кости!

«Где это я? – подумал он, однако ответ ему был известен. – Я в Преисподней».

И тут Эдвард увидел его – Дьявола, самого Люцифера. Пособачьи сидящий невдалеке, зверь не сводил с него глаз, пары щелок, пылающих серебристым огнем. Казалось, их опаляющий взор пронзает душу насквозь, видит весь его позор,

все прегрешения до одного: и как Эдвард лгал отцу, и как хулил имя Господа, и книги, все эти пагубные книги, купленные в Хартфорде, а самое главное – все его сладострастные рисунки, все портреты Абиты.

– Господи, прости меня, грешного, – прошептал он, пусть даже знал, что Господь не простит, что Господь от него отступился.

Призрачные твари с детскими личиками спорхнули вниз, хихикая, заплясали вокруг, но Эдвард, не в силах отвести полных ужаса, вылезших из орбит глаз от Дьявола, их даже не заметил.

Дьявол тяжкой поступью двинулся к Эдварду.

Эдвард хотел было подняться, опереться на локти, отползти прочь, но лишь задрожал, да кое-как сумел сморгнуть с глаз слезы.

Зверь ткнулся мордой в лицо Эдварда, принюхался, обдав щеку жарким дыханием, лизнул подбородок и шею… а после – резкая, острая боль: клыки зверя глубоко впились в горло.

Слыша, как Дьявол громко, с чавканьем лакает его кровь, Эдвард устремил немигающий взгляд вверх, к тонкому лучику света высоко-высоко над головой. Мир вокруг начал меркнуть.

«Я обречен. Проклят навеки», – подумал он и с этой мыслью медленно, медленно ушел из жизни, угас.

– Эдвард! – донесся сверху отчаянный женский крик. –

Эдвард!

Но Эдвард ее не услышал. До Эдварда было уже не докричаться. А вот зверь… зверь слышал все.

– *Она! Вторая, Отец! Быстрее: вот он, наш шанс!*

Однако зверь лениво помотал косматой башкой. Набившему брюхо, ему хотелось лишь одного – закрыть глаза и без помех наслаждаться растекшимся по жилам теплом.

– Ночью, – едва ворочая языком, пробормотал он.

Подняв одно из передних копыт, зверь уставился на него. Миг – и из копыта выросла ладонь, из ладони – длинные тонкие пальцы, а из кончиков пальцев – столь же длинные острые когти.

– Ночью ее убью.

Казалось, выпитая кровь подхватила его, медленно повлекла вдаль, и, убаюканный легкой качкой, зверь погрузился в глубокую дрему.

– *Стало быть, ночью,* – нехотя согласились детишки.

К ферме Эдварда Уоллес гнал жеребца неспешной рысцой. В пути он снова и снова обдумывал, что должен сказать, и только диву давался, как мог опуститься до подобного, как мог пасть так низко, чтобы молить Эдварда о согласии на предложение лорда Мэнсфилда.

«Я все сделал верно, папа. Ты знаешь, что это так. Нам с Эдвардом следовало трудиться заодно, как тебе и хотелось. Стать хозяевами собственной табачной империи… на манер тех плантаций в Вирджинии. Но вместо этого я на весь Саттон ославил себя дураком, ни аза не смыслящим в табаке. Куда ни пойди, куда ни глянь, у каждого это на лице написано, – яростно сплюнув, подумал он. – Один только ты, папа, и видел, как я руки стирал до костей, лишь бы спасти посевы, как день за днем обирал червей с листьев, даже при свете факела. И вот скажи, справедливо ли, что после всего этого мне приходится идти на поклон к Эдварду с его ведьмой? Справедливо ли?»

У вершины холма, возвышавшегося над фермой Эдварда, Уоллес натянул поводья, придержал жеребца. Желудок его скрутило узлом.

«А знаешь, папа, что в этом хуже всего? Хуже всего, придя с просьбой, видеть ее злорадство. Сам не знаю, сумею ли это выдержать. Отчего эта баба так невзлюбила меня? Отчего досаждает мне на каждом шагу? Я ведь со всей душой к ней – можно сказать, как к родной!»

И тут Уоллес услышал крик. Обернувшись на голос, он увидел Абиту и Чарльза Паркера с братом, Джоном, и двумя сыновьями. Все пятеро быстрым шагом направлялись к нему. Джон нес с собой солидный моток веревки и пару фонарей.

– Уоллес! – крикнул Джон. – Идем скорее! Там Эдвард! В яму упал!

– В яму? – переспросил Уоллес. – В какую еще яму?

– Идем, идем! – бросил Джон, проходя мимо.

Двинувшись следом, Уоллес спустился с холма в заросли леса за полем.

– Вон там, – пояснила Абита, указав на пещеру среди россыпи каменных глыб.

Уоллес, взяв у Джона фонарь, заглянул внутрь.

– Эдвард! – позвал он. – Эдвард, ты здесь?

– Видно чего? – спросил Чарльз.

Уоллес покачал головой.

– Нет. Только ветки да листья.

– Там, в глубине, – повысив голос, пояснила Абита. – Яма в дальнем углу. И Эдвард в нее провалился, точно вам говорю. Я знаю. Пожалуйста, поторопитесь!

Уоллес оглянулся на братьев Паркеров, на Чарльза с Джоном. Не сумев отыскать Эдварда, Абита помчалась на ферму Паркеров, за помощью, однако никто из них в пещеру входить не спешил.

Выхватив у Джона второй фонарь, Абита направилась к

пещере сама, но Джон схватил ее за плечо и удержал на месте.

– Постой, Абита. Где одна яма нашлась, могут найтись и другие. Тут с осторожностью надо.

– Некогда осторожничать!

Заметив среди палой листвы шляпу Эдварда, Уоллес поднял ее и протянул рвущейся из рук Джона Абите. Весь ее пыл разом угас.

– Держи, – велел Уоллес, сунув фонарь Чарльзу.

Чарльз прихватил с собой самую длинную веревку, какая нашлась в хозяйстве. Конец ее Уоллес обвязал вокруг одного из черных камней, подергал, проверяя, надежен ли узел, и кивнул Джону.

– Придержи ее, чтоб не совалась.

С этим он шагнул под свод пещеры. Следом за ним двинулся Чарльз со старшим из сыновей. Люком.

Люк с Чарльзом освещали путь фонарями, а Уоллес, не выпуская из рук веревки, шел чуть впереди. На ходу он ощупывал землю ногой, пригибал голову, чтоб не цепляться макушкой за низкий свод подземелья. При свете фонарей он ясно видел, что и земля, и листья изрядно истоптаны. Следы вели к небольшому отнорку в дальнем углу пещеры. Тут Уоллес замедлил шаг и невольно вздрогнул, но не от холода – от невесть откуда взявшегося дурного предчувствия.

Подойдя ближе, Люк с Чарльзом вытянули вперед руки с фонарями. Посредине отнорка темнел провал футов шести

в ширину. На краю ямы Уоллес заметил топор. Еще раз проверив, надежно ли держится веревка, он двинулся дальше. Вскоре все трое склонились над ямой, заглянули вниз, и Уоллеса вновь охватила нешуточная тревога: казалось, оттуда, из глубины, на него смотрит сама темнота.

Сзади послышался шорох шагов. Обернувшись, Уоллес увидел за спиной Чарльза Абиту. Устремленный в яму, взгляд ее был полон ужаса.

– Вы его видите? – негромко, с отчаянием в голосе спросила она. – Хоть что-нибудь видите?

– Уйди отсюда немедля, – велел Уоллес, заранее зная, что только зря сотрясает воздух.

– Гляньте-ка, – заговорил Чарльз, кивнув вбок. – Не Эдвардов?

У стены подземелья валялся сапог.

Абита придвинулась ближе. Чарльз ухватил ее за плечо, не подпуская слишком близко к яме.

– *Эдвард!* – закричала Абита.

Темная яма откликнулась на ее крик гулким эхом.

Присев на корточки, Люк поднял над ямой фонарь, сощурился.

– А вот еще… что это?

На каменном выступе, торчащем из стенки ямы чуть ниже края, поблескивало что-то белое. Уоллес, встав на колени, пригляделся внимательнее…

«О Господи, – подумал он. – Зуб. Человеческий зуб».

Абита протяжно застонала.

– О нет, Эдвард… нет, – забормотала она, опустившись на колени рядом с Уоллесом.

Теперь все трое взирали на яму, точно на свежую могилу.

– Кому-то придется спуститься, – сказала Абита.

Уоллес швырнул в яму камешек. Все пятеро замерли, прислушались к стуку камешка о стенки ямы. «Тик-так, тик-так, тик-так»… звук не смолкал – разве что становился все тише и тише. Собравшиеся вокруг ямы переглянулись. Что это значит, понимал каждый, однако Абита не унималась.

– Нельзя же там его оставлять! Что, если он еще жив?

– Слишком уж высоко… слишком опасно, – ответил Уоллес.

Спуститься вниз его не заставило бы ничто на земле. Всем своим существом он чувствовал: там, на дне ямы, таится, ждет нечто злое, нечистое… однако об этом Уоллес, конечно же, почел за лучшее промолчать.

– Спускаться туда – только жизнями попусту рисковать, – добавил он.

– Ладно. Вы не желаете – спущусь сама.

– Абита, – мягко заметил Чарльз, – никто туда, вниз, не полезет. Нету на свете веревок такой длины.

– Может, он не на дне, а на каком-нибудь выступе?

– Абита, прошу тебя, – заговорил Чарльз, тоже подняв фонарь над ямой. – Посмотри вниз. Как следует посмотри.

С этим он, на всякий случай, крепко взял Абиту за руку,

и та, перегнувшись через край ямы, принялась пристально вглядываться в темноту. На лице ее отразилось отчаяние.

– *Эдвард!* – еще раз позвала она.

Мало-помалу эхо имени ее мужа стихло, сгинуло в глубине. Все снова замерли, напрягли слух, ожидая, не раздастся ли снизу стон, крик, хрип, хоть какой-нибудь отклик, но тишину нарушало только их собственное дыхание.

Взглянув на Абиту, не сводившую глаз с зуба на камне, Уоллес понял: она знает, как обстоят дела. Знает: упав с такой высоты, в живых не остаться.

Вереница саттонцев молча, неторопливо тянулась по раскисшей тропе к общинному кладбищу. Возглавляла процессию троица проповедников, за ними следовали несшие гроб, далее шли прочие саттонские мужчины, супруги их преподобий, самые уважаемые из женщин, и только потом, перед детишками – она, Абита. Привилегий, не полагающихся по

положению в общине, не принесло ей даже вдовство.

Кладбище располагалось сразу же за стенами деревни. Едва процессия поднялась на гребень холма, навстречу подул сильный северный ветер. Казалось, небо вот-вот разразится грозой. Придерживая чепцы и шляпы, жители Саттона ускорили шаг, спеша покончить с похоронами до начала дождя.

Вскоре они подошли к памятнику, небольшому надгробному камню, лишенному каких-либо украшений, кроме надписи «Эдвард Уильямс», высеченной на лицевой стороне: украшать надгробья чем-то особенным среди пуритан, считавших, что перед Господом все равны, запрещалось.

Преподобный Картер занял место рядом с надгробным камнем, а прихожане окружили кольцом свежевырытую могилу. Над могилой пахло сырой землей.

Несшие гроб – Уоллес, Чарльз, Джон и Исаак – вышли вперед, к могиле, сняли с плеч простой сосновый ящик. Опущенный наземь, небольшой гроб отозвался неожиданно гулким стуком: внутри не было ничего, кроме одежды Эдварда, найденной в пещере шляпы да зуба, завернутого в лоскут белого полотна (зуб уложили в гроб по настоянию Абиты).

В могилу гроб опустили без единого слова. Ни траурной речи, ни песен, ни гимнов, ни прощальных речей родных, ни проповеди, ни даже молитвы – никаких церемоний, поскольку пуритане ни в чем не желали походить на папистов. Какую обиду Господь мог отыскать в прощальной молитве? Об этом Абите оставалось только гадать.

Мысли ее сами собой обратились к прошлому, к похоронам матери. Ее могилу отец, не скупясь ни на какие расходы, украсил роскошным надгробием, хотя таких денег в семье не имелось. Нанял даже хор певчих, а священнику заказал прочесть над могилой прощальную речь, которую сочинял ночь напролет. А когда гроб опускали в могилу, убитый горем, разрыдался у всех на глазах.

«Однако все это не облегчило твоей скорби, не так ли, отец? Ни все это, ни выпивка, из-за которой ты был отставлен от службы, ни то, что таскал нас в церковь по три раза в неделю…»

Сейчас отец вспомнился ей таким, каким она видела его в последний раз, сразу после того, как была продана в Новый Свет, машущим с пристани в то время как корабль поднимал якоря, жалкой тряпкой в человеческом облике, с бутылкой, торчащей из кармана плаща… Что-то с ним сталось теперь? Быть может, он давным-давно покоится в казенной могиле для неимущих, под холмиком без надгробной плиты, хранящей память о еще одной утраченной жизни?

А Эдвард… тоскует ли кто о его смерти?

Абита обвела взглядом лица собравшихся, но нет, все держались, как каменные – ни слезинки в глазу. При виде этакой черствости захотелось завопить, выкрикнуть имя Эдварда, осыпать проклятьями сошедшихся на похороны со всеми их бесчеловечными догмами и заповедями, расхохотаться до слез – что угодно, лишь бы нарушить эту гнетущую тишину.

Ветер усилился, с неба на головы скорбящих пали первые капли дождя. Несшие гроб взялись за лопаты, начали быстро забрасывать неглубокую могилу землей. Комья земли глухо забарабанили по крышке пустого гроба, напоминая всем, что Эдварда здесь, с ними, нет.

«Эдвард, да мертв ли ты?»

Подумав так, Абита невольно представила мужа лежащим на дне этой дьявольской ямы с переломанными костями, разбитого параличом, ждущего смерти от голода и жажды, или, что еще хуже, пока его заживо, у него на глазах, не сожрут крысы да черви.

Засыпав яму, все четверо принялись уминать, утрамбовывать холмик лопатами, повернутыми плашмя. В общем молчании глухие удары лопат о землю гремели, словно раскаты грома. При каждом ударе Абита невольно вздрагивала: казалось, Эдварда вбивают в могилу, гонят из жизни прочь, навстречу небытию. Как только могильщики завершили работу, вперед, прижав шляпу к груди, выступил преподобный Картер.

– Прощанию конец, – объявил он.

Собравшиеся немедля встрепенулись, двинулись по домам, к собственным фермам, к собственной жизни.

«И все? – удивилась Абита. – “Прощанию конец”? Выходит, вся жизнь человека даже пары слов не стоит?»

Желание выкрикнуть имя Эдварда, во весь голос напомнить всем о его достоинствах сделалось нестерпимым, но тут

в голове Абиты словно бы зазвучал голос мужа. «Нет, Аби, придержи-ка слова при себе. Теперь ты одна, на собственном попечении, и должна научиться быть такой же, как все».

Однако Абита покачала головой.

– Подождите, – заговорила она.

Никто ее не услышал.

– Подождите, – повторила она чуть громче.

Никто не замедлил шага.

– Подождите! – в полный голос воскликнула Абита. – Пожалуйста, подождите минутку!

Все, как один, остановились, повернулись к ней.

– Можно, я скажу пару слов? Всего пару слов. Я не слишком много прошу?

Во взглядах многих мелькнула жалость – очевидно, не только Абите казалось, что похороны сверх меры скромны, но остальные даже не потрудились скрыть раздражения.

Преподобный Картер взглянул на Абиту, точно на непослушное дитя. Поначалу Абита решила, что он отчитает ее у всех на виду, однако преподобный, бросив взгляд на могилу Эдварда, всего лишь вздохнул.

– Что ж, говори.

Абита шумно перевела дух.

– Я только хочу сказать здесь, перед всеми вами, что Эдвард был хорошим человеком. Вот и все.

На лицах многих отразилось недоумение, и Абите сделалось ясно: ее слова ни на кого не произвели впечатления.

«Ну и пусть, – подумала она. – Это ведь не для них, Эдвард, а для тебя».

Саттонцы, отвернувшись, двинулись восвояси, и вскоре Абита осталась наедине с полным тряпья гробом в могиле да серым камнем, украшенным именем мужа.

Дождавшись, пока последний из саттонцев не скроется за холмом, она опустилась на колени, покопалась в кармане плаща и вынула из него прядку собственных волос, завязанную бантиком.

– Это тебе, Эдвард. За доброту души, за нежность… за то, что ты был мне другом.

Поцеловав бантик, Абита положила его поверх могильного камня, поднялась, отряхнула испачканные в земле руки и двинулась назад, к деревне. Однако, взойдя на гребень холма, она увидела у тропы всех трех проповедников, дожидающихся ее. Рядом с ними стоял Уоллес.

– Господи Иисусе, – вполголоса выдохнула она. – Неужто этот стервятник даже дня не смог подождать?

– Абита, – окликнул ее преподобный Картер. – На два слова, пожалуйста.

Абита направилась к ждущим. Стоило подойти к ним вплотную, тени людей в высоких шляпах и широких, трепещущих на ветру черных плащах накрыли ее с головой.

– Прошу прощения за то, что начинаю этот разговор здесь, в день похорон Эдварда, – продолжил его преподобие, – но дело отлагательств не терпит. Нам нужно…

Тут он запнулся, задумался, подыскивая подходящие выражения.

– Нам нужно позаботиться о твоем благополучии.

Абита насторожилась. Выходит, сию минуту, на этом самом месте, решается судьба – ни больше ни меньше – всего ее будущего?

– Мы с Уоллесом обсудили, как тебе лучше всего жить дальше, поскольку ты осталась на собственном попечении.

Абита похолодела.

«Осторожнее, Аби, – подумала она. – Слушай внимательно, держи ухо востро. Речь обо всей твоей жизни».

– Не понимаю, какое Уоллесу дело до моего благополучия.

Уоллес оцепенел.

Преподобный Картер откашлялся.

– Абита, послушай меня, – твердо строго, точно во время проповеди, заговорил он. – Уоллес – твой деверь, ближайший родственник мужеска полу, и посему забота о твоем благополучии ложится на его плечи. Это ты, разумеется, понимаешь. Уоллес вызвался оказать тебе помощь. Всего-навсего позволив ему высказаться, ты, я уверен, сочтешь его предложение весьма великодушным – особенно в твоем положении.

«В моем положении? А что у меня за положение?»

Абита почувствовала себя загнанной в угол. Все эти люди вовсе не собирались с ней церемониться, о чем-то совето-

ваться, пускаться в пространные разговоры. Она – женщина, а женщины в таких делах права голоса лишены. Ей просто сообщат, что с нею будет дальше, и делу конец.

– Я высоко ценю ваши старания, ваше преподобие, но мне нужно время на размышления и…

– Абита, послушай-ка, что скажу я, – вмешался Уоллес, точно разговаривая с одним из своих детей. – Эдварда больше нет. Одной тебе не прожить. Поэтому я приглашаю тебя в наш дом. Будешь пособлять Черити с Исааком по хозяйству, и…

– Хочешь, чтоб я в прислуги к тебе пошла?

– Он предлагает тебе крышу над головой, – пояснил преподобный Картер. – Ты еще молода, а вокруг много мужчин, которым нужны жены. Поработаешь на Уоллеса до тех пор, пока подходящий муж для тебя не найдется.

– У меня есть крыша над головой. А еще ферма и поле, готовое к севу. Зачем мне бросать это все ради того, чтоб стать *его* прислугой?

Все четверо переглянулись так, точно она спросила, зачем ей нужен воздух.

Уоллес всплеснул руками.

– Я же говорил: ей это не по разуму!

– Абита, – продолжал преподобный Картер, – ты в горе, сбита с толку, ошеломлена. Все мы тебя понимаем. Однако и ты пойми: из-за долга Уоллесу не по силам оставить себе обе фермы. Всякому очевидно, что с хозяйством Эдварда ему

придется расстаться. Так будет лучше и для тебя, и для общины в целом. Никому ведь не хочется гнать тебя на мороз.

«С каких пор наш надел – снова земля Уоллеса? – удивилась Абита. – Могут они просто забрать его? Нет, так вроде бы не по закону».

Тут в голове, на задворках сознания, зашевелилась какая-то смутная мысль. Не обращая внимания на разглагольствования проповедника, Абита что было сил сосредоточилась на ней.

«Прошлой весной, когда умер муж вдовы Пратт, ей уходить из дому не пришлось. Почему?»

Ответа Аби точно не знала, но помнила: что-то такое насчет «представлять интересы мужа в его отсутствие»…

– Абита, девочка, ты меня слушаешь? – спросил его преподобие. – Выбор у тебя невелик: работать на Уоллеса или отправиться на вольные хлеба. Мир наш жесток, поблажек никому не дает, так что я посоветовал бы…

– У меня есть и третий выход, – твердо сказала Абита. – Возделывать свою землю *самой*.

Проповедники с Уоллесом остолбенели.

– Однако… Абита, – запинаясь, начал преподобный Картер, – как ты…

– Нет! – перебил его Уоллес. – Этот выход не про тебя. Земля не твоя. И если ты останешься там еще хоть на одну ночь, то только из моего милосердия.

– Пока я вовремя вношу платежи, ферма принадлежит

мне. Таков уговор.

– Уговор с Эдвардом, а не с тобой!

Абита перевела взгляд на проповедников.

– Я овдовела, – спокойно, ровно, как можно увереннее заговорила она. Своих прав она точно не знала, но чувствовала: если держаться так, будто знает их назубок, возможно, шанс у нее есть. – Разве вдовство не дает мне права владеть землей и вести дела от имени Эдварда?

Проповедники призадумались, смолкли, не зная, что делать дальше, однако, судя по выражениям на их лицах, Абита оказалась права.

– Ну что ж, – нарушил молчание преподобный Картер. – Ну что ж… я полагаю, дело можно решить и так.

– И разве долг перед Господом не велит мне исполнить желания мужа? Погасить все долги и обязательства Эдварда, насколько сумею?

Преподобный Картер поднял брови.

– Да, да… однако…

– Вздор! – взорвался Уоллес. – Даже слушать об этом не стану! Мы все понимаем, что урожая ей не собрать. Хозяйство она в любом случае потеряет, так ради чего затевать эти игры?

Казалось, проповедники уже не в силах понять, как разговор принял этакий оборот.

– Одну минуту.

С этим преподобный Картер отвел преподобного Коллин-

за с преподобным Смитом в сторонку, и все трое о чем-то негромко заговорили между собой.

Уоллес подступил к Абите, в ярости воззрился на нее сверху вниз. Глаза его полыхали огнем.

– Уж лучше послушай меня, девчонка неблагодарная, – прошипел он. – Эдварда нет, за его спину ты больше не спрячешься. Ввяжешься в эту игру – все потеряешь, все! Понимаешь? Без гроша за душой останешься. Я тебя в землю вгоню, но этой фермы тебе не отдам.

Абита, повернувшись к нему спиной, крепко сцепила пальцы. Спокойствие. Главное – спокойствие.

Наконец проповедники вернулись к ним.

– Абита, – начал преподобный Картер. – Позволь еще раз подчеркнуть: по общему нашему мнению, тебе лучше всего принять великодушное предложение Уоллеса и пожить у него, пока не подыщешь себе подходящего мужа. Твои старания управиться с хозяйством Эдварда в одиночку, на наш взгляд, неуместны и неразумны.

Уоллес согласно кивнул, заулыбался, весьма довольный собой.

Преподобный Картер слегка сконфуженно взглянул на него.

– Однако, Уоллес, сколько бы мы ни считали это не лучшим выходом, Абита во всем права. Согласно закону, она вправе заменить покойного Эдварда. Ее нравственный долг перед Господом – исполнить волю супруга по мере сил, а по-

сему решение остается за ней.

– Что?! – заорал Уоллес. – Да это же полный бред! Разве вы не понимаете? Потеряю я свою ферму, и что тогда с нами со всеми станется?

– Я лично склонен с тобой согласиться, – отвечал преподобный Картер, – однако таков наш закон. В кого мы превратимся, если не станем блюсти собственные законы?

– И вы допустите, чтоб я фермы лишился, только затем, чтоб ублажить эту дерзкую бабу? Эту… *пришлую*? – побагровев от ярости, прорычал Уоллес. – Да вы же… вы, не иначе, умом повредились!

– Уоллес! – прикрикнул на него преподобный Картер. – Прошу, успокойся. Быть может, найдутся другие способы…

Однако Уоллес не унимался.

– Правду сказал судья: вы за деревьями леса не видите!

Преподобный Картер неспешно сощурился.

– Судья? Какой судья? Уж не мировой ли судья Уотсон? Ты обсуждал это дело с ним?

– Да, обсуждал, и… и вот, поглядите. Он велел передать это вам.

Достав из кармана сложенный вчетверо лист пергамента, Уоллес ткнул письмом в сторону преподобного Картера, точно ножом.

Его преподобие принял письмо, развернул его, пробежался взглядом по строкам, поджал губы и вдруг, смяв пергамент в комок, швырнул его наземь.

– Этот… человек, – негромко, с заметной дрожью в голосе заговорил преподобный Картер, но тут же сдвинул брови, окаменел лицом точно так же, как в те минуты, когда вел речь о самом Сатане. – Мировому судье Уотсону по душе гнуть слово Божие в любую угодную ему сторону. Здесь его власть не стоит ломаного гроша. Наш приговор остается прежним.

Услышав сие заявление, преподобные Коллинз со Смитом заметно встревожились.

– Но, ваше преподобие, – начал было преподобный Смит, – быть может, нам стоит обсудить это дело…

– Я сказал: наш приговор остается прежним.

Уоллес невольно разинул рот.

– Что… какое вы имеете право?! Кем вы себя возомни…

– Из-за людей наподобие мирового судьи Уотсона, из-за людей, нестойких в вопросах нравственности, я и оставил Хартфорд многие годы назад. И влияния ему подобных здесь, в Саттоне, не допущу. Не допущу! Мой приговор остается прежним. Ты все понял?

– Я… я… я отказываюсь вас понимать! Вы представляете, что со мной делаете? Представляете? – Уоллес едва не сорвался на крик. – Это же против всякого здравого смысла! Судья непременно услышит об этом, и…

– *Довольно!* – загремел преподобный Картер. – Возьми себя в руки, Уоллес Уильямс! *Немедля!*

Уоллес зажмурился, скривил губы.

– Таков закон согласно нашей хартии, таков закон согласно заветам Господа, – объявил преподобный Картер. – Не хочешь ли ты сказать, что разбираешься в сих вопросах лучше совета общины?

Уоллес открыл было рот, собираясь что-то сказать, но подходящих к случаю слов подыскать не сумел и ожег испепеляющим взглядом Абиту.

– Завтра приеду на ферму, там и поговорим обо всем этом подробнее.

Абита, не дрогнув, выдержала его взгляд.

– Мне с тобой говорить больше не о чем, – в полный голос, твердо, словно сержант, командующий солдатами, отвечала она. – Слушай, Уоллес Уильямс, слушай внимательно. Держись от меня подальше.

Твердость ее поразила всех четверых, но Уоллеса потрясла до глубины души. Лицо его исказилось в жуткой гримасе.

– Ну нет! С меня довольно! Такой наглости, да еще от женщины, я не потерплю ни за что! – прорычал он, схватив Абиту за руку, сомкнув широкую, мозолистую ладонь на ее тонком предплечье, будто клыкастую пасть. – Ты у меня сейчас же отправишься к шерифу, а уж он позаботится, чтоб тебя как следует высекли да подержали в колодках!

– Изволь отпустить ее! – во весь голос вскричал преподобный Картер. – Не то сам получишь плетей!

– Что… это как же? – пролепетал Уоллес, глядя на его преподобие, будто никак не может поверить собственным

ушам. – Вы ее разве не слышали? – спросил он, недоуменно оглядев проповедников одного за другим. – Неужто весь мир сошел с ума? Ни одной из женщин не позволено разговаривать в этакой дерзкой манере!

– Она вправе высказаться по любым вопросам касательно имущества Эдварда, – резко ответил преподобный Картер. – И если при том требуется дать отпор такому, как ты, на это у нее тоже имеется полное право. Ты меня понял, Уоллес?

– Э-э…

– Ты меня понял, Уоллес? – прорычал преподобный Картер.

Уоллес ничего не ответил, но руку Абиты послушно выпустил.

– На том дело и завершим, – неумолимо подытожил преподобный Картер.

С шипением втянув в грудь воздух сквозь сжатые зубы, Уоллес обвел проповедников взглядом загнанной в угол дворняги и неторопливо кивнул. Мало-помалу его дыхание обернулось недобрым смехом.

– Она не протянет до осени. Конечно, к тому времени будет поздно. Землю я потеряю. А ты, – с усмешкой бросил он Абите, – когда наголодаешься и намерзнешься, клянчить милостыню к моему порогу не приходи. Мои двери закрыты для тебя навсегда.

Развернувшись, он быстрым шагом направился прочь.

– Знаете, сэр, – заговорил преподобный Смит, – насчет

мирового судьи… как-то мне не по себе. С ним, знаете ли, шутки плохи.

Преподобный Картер, встревоженно, тяжко вздохнув, покачал головой.

– Зачем тебе это понадобилось, Абита? Зачем ты так поступаешь? Из гордости? Из неприязни к Уоллесу? Не выйдет из этого ничего хорошего. Я бы на твоем месте отправился домой, поразмыслил как следует, а после пошел бы к Уоллесу, просить о прощении.

Дождь хлынул в полную силу. Застегнув плащи на все пуговицы, проповедники направились к воротам деревни.

Оставшись одна у обочины, Абита опустила взгляд к земле, на глазах раскисающей под струями ливня, и покачала головой. Вся тяжесть только что сделанного навалилась на плечи, в сердце вцепился страх.

«Что ты творишь, Аби? Отчего собственное упрямство вечно берет над тобою верх?»

Взглянув в сторону кладбища, вспомнив о незатейливом гробе с одеждой Эдварда внутри, она почувствовала себя одинокой, как никогда в жизни.

Глава третья

Вопли.

Языки пламени, лижущие ночное небо. Хижины, охваченные огнем. Люди, с искаженными ужасом лицами бегу-

щие врассыпную, куда глаза глядят. Мертвые тела, множество мертвых тел – без рук, без ног, животы вспороты, головы размозжены. Ноздри щекочет запах крови, мешающийся с едким дымом, а крики… крики, похоже, не смолкнут вовек.

Зверь поднял веки.

– Наконец-то, Отец! Ты пробудился!

Зверь застонал. Перед ним стоял невероятно исхудавший опоссум с лицом человеческого ребенка – по всему судя, мальчишки. В самой середине его черных глазок светлячками мерцали крохотные, с булавочное острие, огоньки.

– Ты кто таков? – спросил зверь.

– Он пробудился! – крикнул опоссум.

Отзвуки его крика взлетели ввысь, отраженные стенками ямы.

В подземелье беззвучно впорхнул, опустился на камень огромный ворон, а следом за ним появилась рыба. Парящая по-над полом, рыба лениво помахивала хвостом, словно одолевая небыстрое, плавное речное течение. Их лица тоже оказались детскими, тела отливали небесной лазурью; лапы ворону заменяли ладони на манер человеческих.

– Вставай, Отец, – провозгласил опоссум. – Время кровь проливать!

– Вы кто такие?

– Неужто ты позабыл нас?

Зверь неуверенно пожал плечами, чем не на шутку встре-

вожил опоссума.

– Ты знал нас долгое-долгое время. Постарайся же, вспомни. Это невероятно важно.

Стараясь вспомнить хоть что-нибудь, зверь напряг память, однако в голове не нашлось ничего, кроме мутных клубящихся теней да гулкого эха.

Опоссум крепко ухватил зверя за руку.

– Закрой глаза. Узри нас!

Послушно закрыв глаза, зверь ощутил биение крови в жилах опоссума. Сердца их застучали в едином ритме, и перед мысленным взором зверя мало-помалу начали возникать туманные образы. Со временем образы обрели четкость, и зверь сумел разглядеть их – сотни проказливых мелких зверьков, совсем таких же, как эта троица, с пением, с воем, с диким азартом на детских личиках бегущих по лесу. Но, стоило ему приглядеться, постараться увидеть еще что-нибудь, видение подернулось рябью, ускользнуло, обернулось ничем.

С досадой крякнув, зверь покачал головой и снова открыл глаза.

Мелкие твари встревоженно переглянулись.

– Ничего, – успокоил его опоссум, – все это к тебе вскоре вернется, просто крови нужно побольше. Мы – дикий люд… твои дети. Я – Лес, – назвался зверек, ударив себя кулачком в грудь, – он, – тычок пальцем в сторону ворона, – Небо, а он, – кивок в сторону рыбы, – Ручей.

– А я, значит… *Отец*?

– Да, – подтвердил Лес. – Отец, погубитель… защитник наш. Настало время выйти из этой ямы. Настало время прогнать людей прочь, пока они не погубили Паупау.

– Паупау? – В памяти вспыхнул образ, мерцающее видение: огромное дерево, покрытое багряной листвой. – Да, о нем мне известно.

Детишки заулыбались, блеснув ровными рядами крохотных, острых, как иглы, зубов.

– Скорее же! – воскликнул Лес. – За нами!

Ворон по имени Небо взлетел с камня и, беззвучно хлопая крыльями, понесся к ходу, ведущему наверх. Лес с Ручьем устремились следом. Опоссум, будто невесомый, карабкался по стене, цепляясь за камни, рыба плыла, помахивая хвостом, словно в незримой воде, и вскоре все трое скрылись в неярких отблесках света, что проникал в яму сверху.

Поднявшись на ноги, Отец обнаружил, что земля под копытами усеяна костьми – кое-где свежими, но большей частью невероятно древними, всевозможного вида, всевозможной величины. Вокруг огромных черепов белели россыпи черепов совсем маленьких, а неподалеку виднелась даже пара расщепленных, обломанных бивней. Шагнув вперед, Отец понял, что слой костей невообразимо толст. Насколько же глубоко уходит он в недра земли?

Окинув взглядом два мертвых тела, человеческое и козлиное, он осознал, что сам в равной мере похож на обоих, и

тут заметил над человеческим трупом еще кое-что – странный, округлый, чуть продолговатый вроде яйца, плод с кроваво-алой мякотью под треснувшей кожурой. Над плодом, вычерченный тем же кроваво-алым, багровел глаз.

«Это мне тоже знакомо», – подумал Отец, остановив на нем взгляд.

Глаз заморгал, раздвоился, разделился начетверо, а после на шесть – на шесть черных глаз вроде паучьих. Взгляды их забегали из стороны в сторону, словно бы что-то отыскивая.

По спине Отца побежали мурашки. Встревоженный, он полоснул по рисунку когтями, и глаз исчез. Отец передернулся. Выбраться, выбраться из этой ямы, из этой могилы, да поскорее!

Взгляд его сам собой устремился вверх, к неяркому пятнышку света высоко над головой.

«Солнце. Да, солнце. При свете солнца в голове прояснится».

С этой мыслью Отец, упираясь копытами в осклизлые камни, полез наверх и недолгое время спустя оказался в небольшой пещере. Снаружи зеленел лес. Час, похоже, был ранний: среди деревьев слегка колыхались пряди тумана, из густых крон доносились трели проснувшихся поутру птиц. Выбравшись наружу, Отец встал во весь рост, шумно вдохнул. В прохладном воздухе пряно, свежо пахло лесом… но тут он учуял еще кое-что.

– Ну и воняют они, эти люди, правда? – подал голос Лес.

Отец согласно кивнул.

– Разве я не прогнал их с этих земель еще в давние-давние времена?

– А-а, память к тебе возвращается! В самом деле, Отец, прогнал.

– А теперь они воротились?

– Это новые люди. Люди другой породы. Пришли они издалека и страха еще не знают. Но скоро все будет иначе. Скажи, помнишь ли ты, отчего прогонял их отсюда?

Из памяти снова всплыл образ того же самого дерева. На сей раз Отец успел разглядеть на его ветвях округлые, продолговатые, словно яйца, плоды – точно такие же, как тот, в яме.

– Дерево…

Три детских личика просияли.

– Да! – торжествующе вскричал Лес, указав в сторону скальных выступов и валунов над пещерой. – Смотри: вот кости великого древа Паупау!

Однако Отец видел там только нагромождение темных, щербатых каменных глыб.

– Неужели не видишь?

Отступив на пару шагов, Отец понял: да это же обломки, остатки ствола дерева невероятной величины!

– Что это за место?

– Наше сердце и наша душа. Здесь мы рождаемся, здесь умираем. Здесь – дом Паупау. Взгляни! – Лес указал на вер-

шину груды камней. – Мать Земля вернула нам Паупау! – Голос его дрогнул, словно зверек вот-вот расплачется. – Столько лет минуло… и вот она даровала нам новый шанс!

Что до Отца, он видел перед собой всего-навсего хилое юное деревце не выше него самого, чудом пробившееся к солнцу сквозь толщу массивного окаменевшего пня.

– Теперь у нас есть и Паупау, и ты… ты, наш заступник. Верный знак: в мире снова настало время дикого люда!

Отцу все это мало о чем говорило, и он хотел было так и сказать, но вдруг одинокий луч солнца, пробившийся сквозь полог леса, коснулся верхушки деревца. Отразившийся от его листьев, солнечный свет вспыхнул малиново-алым, ошеломил, ослепил. Накрытому волной головокружения, Отцу пришлось ухватиться за глыбу темного камня, чтоб устоять на ногах, и в тот же миг камень мерно, едва уловимо затрепетал. Казалось, под ладонью Отца бьется живое сердце. Прикрыв глаза, Отец застонал.

– Что с тобой? – всполошился Лес. – Что ты увидел?

– Нет, ничего. Я…

Ладонь обдало жаром, а после перед глазами на миг, всего-то на миг возникло исполинское древо, вознесшееся в небеса много выше всех прочих деревьев. Алые листья древа бешено трепетали на буйном ветру. Пламя, дым, кровь – так много крови, что ею пропитана вся земля… но, как ни старался Отец удержать видение, разглядеть еще что-нибудь, видение помутнело, угасло.

– Кровь, – проговорил Отец. – Всякий раз столько крови…

– И замечательно, – заверил его Лес. – Кровь – твоя речь, и душа, и предназначение. Мать Земля дает тебе знать, что ты – ее воин, ее заступник, ее хранитель, а значит, должен сберечь ее древо Паупау.

Небо с Ручьем, очевидно, разговаривать (по крайней мере, словами) не умевшие, дружно кивнули.

– Великое древо, Паупау, породило *плод!* – со всем восторгом, со всем благоговением, какие только сумел вложить в свой тоненький голосок, воскликнул Лес. – Всего один плод… но этот плод полон волшебства невиданной силы. С его-то помощью мы и воротили тебя назад. Паупау воротило тебя из небытия. Так слушай же, слушай нас. Не допусти гибели древа. Древо растет, а с ним растет, крепнет его волшебство – *наше* волшебство. Если мы… если *ты* сумеешь сберечь древо, оно принесет новый урожай драгоценных плодов. Их волшебство, наконец-то, поможет вернуть назад все, что у нас было отнято! Понимаешь? Тебе пора выйти на бой и прогнать их. Пора стать погубителем!

– Мне… *погубителем*?

– Да. Ты ведь и есть погубитель!

Отец в этом все еще весьма сомневался, однако согласно кивнул.

– Я – погубитель!

Детские личики всех троих озарились надеждой.

– Ступай же за нами! – воскликнул Лес, и троица диких со всех ног помчалась вверх, по склону оврага, туда, откуда несло мерзкой вонью.

Отец побежал следом и вскоре остановился у россыпи поваленных деревьев среди обгорелых пней.

Лес ткнул пальцем в стволы на земле.

– Смотри! Вот, видишь? Это все люди, это они! Подбираются ближе и ближе к Паупау!

Страх и злость во взгляде опоссума, точно в зеркале, отразились на лицах остальных диких.

– Время уходит, – процедил он. – Их нужно остановить, непременно, да поскорее. Кто поручится, что завтра они не поднимут топоры на Паупау? Кто, я тебя спрашиваю? А в тот день, когда это случится, конец нам, всем нам конец! Пойми ты хоть это, если ничего другого не понимаешь!

Действительно, Отец ясно видел, что просека ведет прямиком к деревцу с багряной листвой, и его сердце, все его существо переполнил безотчетный гнев. Коротко рыкнув, он двинулся дальше, на запах.

Провожаемый диким людом, он вышел к лесной опушке. Дальше тянулось поле. Остановившись на самом его краю, Отец обвел взглядом вспаханную землю, скотину в зловонных загонах, постройки из бревен и досок.

– Взгляни на все это, взгляни, – прошипел Лес, грозя в сторону человеческого жилища крохотным кулачком. – Взгляни, как они рубят деревья, грязнят нашу воду, жгут на-

ши гнезда и норы. Люди – чума, несущая гибель нашему волшебству, самим нашим душам!

Приглядевшись к тоненькой струйке дыма, вьющейся над самой большой из построек, Отец почуял там, за стенами, невыразимую печаль, а в следующий миг заметил женщину, идущую через двор к загонам. Женщина оказалась совсем не такой, как женщины из его грез: их кожа отливала медью, а эта была бледна. Бледна, да еще в одежде с головы до ног – даже волосы спрятала под куском ткани.

Все это – и ее запах, и мертвенная бледность лица – пришлось Отцу не по нраву, однако сильнее всего возмущало то, что она держит зверей в вонючих загонах, среди их собственных нечистот. Из горла сам собой вырвался глухой рык, и Лес улыбнулся Отцу.

– Да, узнаю, узнаю тебя, заступника нашего, нашего воина! Идем же, представимся этой женщине, как полагается!

Войдя в хлев, Абита распугала стайку несушек, осуждающе закудахтавших, как будто ей здесь не место. Пробравшись к стойлу мула, она прижалась щекой к его гриве, нежно погладила животное меж ушей.

– Все в порядке, Сид, – негромко сказала она. – Мы с тобой справимся. Справимся. Только трудиться нужно вдвоем, заодно, хорошо?

Мул запрядал ушами.

– Вот и славно. Давай-ка тебя запряжем.

С этими словами она потянулась за хомутом, висевшим на ограде стойла. Массивный, из дерева, железа и кожи, хомут казался изрядно тяжелым даже на вид, а когда Абита потянула его на себя, едва-едва сдвинулся с места. Сколько раз она видела, как с той же самой работой без труда управляется Эдвард… но Эдвард ведь был гораздо сильнее нее. Вся штука состояла в том, чтобы накинуть хомут мулу на голову, а после сдвинуть к плечам, и трудность задачи усугублял ее рост: невысокая, хрупко сложенная, Абита могла взглянуть мулу в глаза, почти не нагибаясь. Набрав в грудь побольше воздуха, она покрепче вцепилась в хомут и сдернула его с жерди.

– А-а, пакос-сть, – прошипела она сквозь крепко сжатые зубы.

Казалось, хомут весит не меньше нее самой. Еле удерживая его в руках, Абита доковыляла до мула, невероятным усилием подняла хомут к груди, толкнула вперед, кверху, в

надежде накинуть на голову Сида… однако мул подался назад, а промахнувшаяся мимо цели Абита вместе с хомутом рухнула носом в грязь.

– Г-гвозди Господни! – вскричала она, хлопнув оземь ладонью и вновь учинив переполох среди кур.

Поднявшись на ноги, Абита снова взялась за хомут, с громким кряхтением вскинула его на колено, а после на грудь, причем чудом не опрокинулась на спину, и снова заковыляла к мулу. Увы, мул опять увернулся, и Абита опять шлепнулась носом в грязь.

– Не выходит… ничего не выходит!

В глазах защипало от слез. Кое-как встав, Абита направилась к выходу, но у порога остановилась, окинула взглядом невспаханное поле.

«Нет, не уходи. Уйдешь из хлева – можешь топать прямиком к Уоллесу и сказать, что ферма его».

Обернувшись, Абита в ярости уставилась на непокорный хомут.

«Придется справляться. Иначе никак».

С этими мыслями она вернулась к стойлу и загнала мула подальше, в угол, чтоб пятиться было некуда.

– Пожалуйста, Сид. Постой смирно, – сказала она, наклоняясь за хомутом. – Так… раз, два, три!

На счет «три» Абита вновь вскинула хомут на колено и, не сводя глаз с мула, шагнула вперед.

– Спокойно, малыш, спокойно…

Подняв хомут на грудь, она толкнула его к упрямой скотине, но Сид в последний миг склонил голову книзу, и хомут угодил ему в плечо. Мул с раздирающим барабанные перепонки ревом взбрыкнул копытами, отбросив хомут прямо на Абиту. От такого удара Абита рухнула навзничь, а хомут придавил ее сверху.

Абита вскрикнула, уперлась руками в хомут, поднажала, но сбросить его не смогла. С языка ее едва не сорвался крик, имя Эдварда, однако в последний миг она вспомнила: Эдварда с ней больше нет. Тут-то слезы и потекли из глаз в полную силу.

– За что, Эдвард? За что ты меня покинул? – едва ли не прорычала она сквозь зубы, сама удивившись злости в собственном голосе. – Проклятье, Эдвард, одной так тяжело!

Слезы ручьем хлынули по щекам.

– Как же мне… как мне тебя не хватает, – рыдала Абита. – Слышишь? Где бы ты ни был, уж лучше услышь!

И тут ей сделалось нестерпимо стыдно: ведь напоследок, прежде чем расстаться с Эдвардом навсегда, она попрекнула его: ты, дескать, совсем как отец… Как его это обидело! А ведь он всего-навсего о ней же заботился, ее же берег от этого клана ядовитых гадюк… Чего бы не сделала она сейчас, лишь бы Эдвард вновь оказался рядом, вновь принялся волноваться о ее благополучии!

– Прости меня, Эдвард. Господи, прошу тебя, хоть в этом-то смилуйся надо мной, передай ему: я не хотела… передай:

я люблю его. Пожалуйста, Господи, хоть в этом мне не откажи!

Вложив в толчок всю злость, всю накопившуюся скорбь, Абита снова уперлась руками в хомут и на сей раз сумела столкнуть его вбок, села, прижала к груди занывшую руку. Похоже, сломана… Согнув руку в локте, Абита поморщилась от боли. Болело здорово, однако сомнений быть не могло: к следующему утру рука онемеет, покроется кровоподтеками.

Тут рядом раздалось мяуканье, к боку прижалось мохнатое, теплое тельце. Это был Бука, ее кот – одноглазый, рыжий, в изжелта-белую полоску. Буку Абита около года назад спасла от своры деревенских псов, однако спина бедной зверушки зажила плоховато, искривилась навеки, и хвост навсегда изогнулся крючком. Взобравшись к ней на колени, Бука ткнулся лбом в ее ладонь. Абита погладила его комковатую, свалявшуюся шерстку, и кот довольно замурлыкал.

Абита утерла слезы со щек.

– Все в порядке, Бука, – сказала она. – Мне просто нужно…

Что там за шум? Негромкий топот, а еще… что, писк?

Шум доносился из дальнего угла хлева, оттуда, где хранились мешки с семенной кукурузой.

«У нас еще и крысы завелись? Еще напасть поверх кучи всех прочих бед?»

Глядя на семена, Абита вспомнила, что на дворе уже ап-

рель, что поле нужно засеять, да поскорее, но как с этим справиться, если ей даже мула в плуг не запрячь?

– Мне просто нужна самая малость помощи, вот и все, – прошептала она. – Только где ее взять? Кого звать на подмогу?

Средств для найма работников у нее не имелось, а кроме того, все вокруг были заняты: сеяться нужно каждому.

Вновь топот… а следом за ним что-то вроде детского смеха, хихиканья – глумливого, беспощадного.

Куры, разразившись громким кудахтаньем, бросились из хлева прочь. Козы в загоне заблеяли, Сид фыркнул в стойле, а Бука, спрыгнув с коленей Абиты, замер, уставился в дальний угол хлева. Спина кота выгнулась, шерсть встала дыбом.

Абита, поднявшись на ноги, вгляделась в полумрак и заметила рядом вилы. Стараясь как можно меньше шуметь, она подняла их, замерла в ожидании. Секунды тянулись одна за другой. Но, стоило только подумать, что странные звуки ей просто послышались, в углу вновь захихикали. Казалось, тоненький голосок проникает прямо под кожу. Вздрогнув, Абита нацелила вилы на звук. Может быть, это один из туземцев, внезапно прознавших, что она осталась одна?

Из мрака неторопливо выступил огромный ворон. В полутьме он казался всего-навсего черной тенью, однако Абита не сомневалась: взгляд ворона устремлен на нее. Ворон опять захихикал – зловеще, пугающе, совсем по-человечески. От его смеха волосы на предплечьях вмиг поднялись

торчком.

Мул беспокойно ударил оземь копытом.

«Мушкет принести нужно», – подумала Абита и попятилась к двери, не сводя глаз со странной птицы.

За спиной хмыкнули. Развернувшись, точно ужаленная, Абита выставила перед собой зубья вил.

Выход из хлева ей преграждал опоссум – невероятно длинный, невероятно тощий, ухмыляющийся во всю пасть.

Вдруг сбоку, в уголке глаза, мелькнул кто-то третий – темный, огромного роста. Прежде, чем Абите удалось повернуться к нему, рука незваного гостя сомкнулась на шее, и Абита разом лишилась чувств. Выронив вилы, она рухнула с ног, сильно ударилась оземь затылком. На миг взгляд ее помутился, а как только в глазах прояснилось, первым, что она увидела, оказался все тот же опоссум, гуляючи подошедший к ней на задних лапах, словно маленький человек. Рядом с опоссумом приземлился ворон, а после – вот уж нелепица! – чуть позади обоих появилась рыба – рыба, парящая в воздухе. Мало-помалу звериные морды обернулись детскими лицами, все трое заулыбались, не сводя с Абиты крохотных черных глазок.

– Кровь, кровь, кровь! – приплясывая на месте, нараспев затянула странная троица. – Кровь, кровь, кровь!

Казалось, этот напев сочится сквозь уши в мозг. Перед глазами все закружилось. Абита раскрыла рот, но вместо крика из горла вырвался только сдавленный писк. Незва-

ный гость подошел вплотную, склонился над ней; фигура – сплошь тени да самые противоречивые очертания… однако его глаза, и рога, и копыта Абита видела ясно.

«Сам Дьявол явился за мной!»

Впившись ногтями в землю, она подалась назад, но отползти не смогла: онемевшее тело не слушалось.

Длинные, тонкие, будто паучьи лапы, пальцы неведомого создания скользнули по волосам, по лбу, горячие, влажные ладони крепко стиснули щеки. От жуткой твари так и веяло голодом – голодом неудержимой силы.

«Боже, спаси меня и сохрани!»

Чужая рука стиснула горло так, что не сделать ни вдоха. Кровь застучала в висках, жилы на шее вздулись, точно стараясь ослабить хватку чудовища… а мелкие твари все пели, пели, плясали вокруг, злорадно поблескивая черными глазками.

Мир вокруг начал меркнуть.

Ладонь жуткой твари тоже пульсировала, трепетала. Еще миг, и сердца их забились в такт, словно одно сердце на двоих.

Дьявол громко, отрывисто ахнул. Глаза его вспыхнули жарким серебристым пламенем. Огненный взгляд этих глаз проникал в самую душу, и вдруг сердце и разум исчадия Ада распахнулись навстречу Абите, так что его изумление и растерянность смешались, слились в единое целое с ее собственными.

Оба страдальчески застонали, весь мир вокруг подернулся рябью, почернел, но в следующий же миг непроглядную тьму испепелили слепящие сполохи пламени.

Сама не понимая, как, Абита очутилась посреди кольца хижин. Хижины полыхали, хозяева их с криками разбегались, куда глаза глядят, землю устилали изуродованные трупы, в воздухе веяло кровью и едким дымом. Под ногами подрагивала в отсветах пламени длинная тень – тень огромного рогатого зверя, стоящего на задних ногах. Внезапно тень разделилась на две, отдельные, но одинаковые, словно две капли воды. Обе тени сцепились в борьбе, пустили в ход когти, принялись рвать друг дружку на части, а Абита чувствовала каждую рану, как будто удар нанесен ей самой.

С ее губ, с губ зверя сорвался протяжный крик. Полный тоски и боли, их крик обернулся воем, набрал силу, сделался таким громким, что Абита всерьез испугалась, как бы горло не лопнуло от натуги.

Прогремел гром, и по земле забарабанили темные, точно сажа, капли дождя… только это оказался вовсе не дождь. К великому ужасу Абиты, вместо дождевых капель сверху посыпались сотни, тысячи, миллионы крохотных черных пауков, затмивших свод неба от горизонта до горизонта. Пауки облепили руки, ноги, лицо, так что не шелохнешься, набились в рот, в ноздри, в уши, в глаза, лишая Абиту способности видеть, слышать, дышать, а ее сердце – *их* сердце – забилось медленней, медленней, и, наконец, остановилось, и то-

гда все вокруг окутала непроглядная тьма, тьма без конца и края.

Открыв глаза, Абита не сразу сумела понять, где она и что с ней.

– Пауки, – прошептала она и, поспешив сесть, беспокойно огляделась вокруг.

Нет, никаких пауков поблизости не оказалось, однако темных углов в хлеву имелось великое множество. Абита заморгала, разгоняя застилавший глаза туман. Где же они? Где этот жуткий зверь, где троица мелких тварей?

Подхватив примеченные рядом вилы, Абита нетвердым шагом, пошатываясь, будто в изрядном подпитии, заковыляла к выходу – к свету солнца, к спасению.

– Господи Иисусе! Не оставляй меня!

За порогом хлева она выронила вилы, чудом не напоровшись на их острые зубья, рухнула наземь сама, кое-как под-

нялась, потащилась к дому, а оказавшись внутри, первым делом захлопнула за собой дверь и заперла ее на тяжелый засов. Покончив с этим, она схватила мушкет, дрожа всем телом, еле переводя дух, забилась в дальний от двери угол и замерла. Сейчас *он,* выломав дверь, вломится следом, и…

«Что я здесь делаю, совсем одна среди диких земель? Отчего только разумных советов не слушала?»

Уголок глаза защекотала тонкая струйка крови. Промокнув лоб, Абита нащупала над бровью царапинку, а под ней – шишку изрядной величины. Мушкет… Много ли от него толку, если против тебя сам Дьявол? Сдернув с каминной доски Библию Эдварда, она прижала ее к груди, точно какой-нибудь охранительный талисман.

Минуты ползли, тянулись одна за другой. После того, как их минуло около полдюжины, однако нечистый зверь не вломился в дом и тысячи пауков не хлынули внутрь сквозь щели меж половиц, участившееся дыхание выровнялось, а в голове начало проясняться.

«Что все это значит? Что это за распроклятая тварь? – подумала Абита, пощупав шишку на лбу. – Может, я умом повредилась, вот и мерещится всякое? Господи Иисусе, спаси меня и сохрани!»

И тут она услышала голос, принадлежавший… нет, вовсе не Богу-отцу и не Сыну Божию – матери.

– *Ты знаешь, что должна сделать*.

Абита замотала головой.

«Нет. Не могу».

Устремленный на дверь, взгляд ее сам собой скользнул к кровати. Из-под кровати торчал уголок потрепанной дорожной сумки – той самой, привезенной с собою из Англии. С тех пор в сумке не осталось ничего, кроме единственной вещи – небольшого, туго завязанного кошелька, некогда принадлежавшего матери.

«Брось. Оставь эту затею», – подумала Абита, но взгляда от сумки отвести не смогла, а уберечься от воспоминаний – тем более. Стараясь прогнать их прочь, сохранить ясность мысли, она крепко-крепко зажмурилась, однако ушибленная голова ныла, кружилась сильней и сильней, и воспоминания, небывало яркие, подробные образы прошлого, завладели всеми мыслями без остатка. Вот она, всего-то двенадцати лет от роду, снова там, в садовом сарайчике матери, а мать еще не лежит хладным трупом в могиле, став еще одной из бессчетных жертв охватившего Лондон чумного поветрия.

В эту минуту Абита снова увидела, как лихорадочно роется в материнском шкафу. На дворе была ночь, а у нее имелся лишь крохотный свечной огарок. При свете его огонька Абита шарила среди чашек трав и кореньев, среди склянок с сушеными жуками да пауками в поисках той самой книги. Книга была где-то здесь, это она знала точно. Книгу следовало отыскать, и немедля, как можно скорее, пока не явился *он*.

Выдвинув очередной ящик, Абита обнаружила внутри несколько книг, но нужной среди них не оказалось. Тогда она поспешно вытащила их из ящика и только тогда, на самом его дне, нашла то, что искала – несколько дюжин потрепанных, разлохмаченных по краям, сшитых суровой нитью листов пергамента в обложке из двух кусков толстой, изрядно потертой козлиной кожи.

Стоило открыть книгу, на перелистываемых страницах замелькали сотни небрежных рисунков, записей, помет, порой сделанных ровным, четким почерком матери, но большей частью чьей-то чужой рукой. Мать называла эту тетрадь книгой рецептов, неповторимым собранием наставлений о приготовлении лечебных снадобий, передаваемым от ведуньи к ведунье, от знахарки к знахарке из поколения в поколение. О том, как мать вместе с нею сидела за этой тетрадкой, обучая ее разбирать символы и иносказания, составлять простейшие зелья и притирания, Абита вспоминала с особой теплотой.

Долистав книгу почти до конца, Абита остановилась. Края последних нескольких страниц почернели, будто выхваченные из огня. Заглядывать в этот раздел мать строго-настрого запрещала, и потому Абита замешкалась. Она знала, что в книге содержатся не только рецепты снадобий, что ведовское искусство матери вовсе не ограничивается одним лишь травничеством, что мать обладает даром видения и предсказания будущего, что, если верить слухам, несколько раз она

даже брала на себя роль *посредницы*, призывая умерших к беседе с любящими их родными. Однако Абита не сомневалась: написанное на почерневшем пергаменте ведет гораздо, гораздо дальше.

Собравшись с духом, она перевернула страницу, и на минуту позабыла обо всем, что замыслила – только смотрела, смотрела на темные неровные строки. Понимала она их разве что с пятого на десятое, но и этого оказалось довольно: речь шла о проклятиях, ядах, дверях в царство мертвых. Абиту пробрала дрожь. Она и не подозревала, что мать занесло в столь мрачные края. Ну что ж, у каждого свои секреты…

Из-за дверей донесся скрип. Вздрогнув, Абита захлопнула книгу, украдкой оглянулась назад. Он мог явиться в любую минуту и уничтожить все, чего она не успеет спрятать. Другого случая ей уже не представится. Книгу Абита сунула под корсет, но это было не все. В сарайчике оставалось еще кое-что, всего одна вещь, но вещь эту следовало сохранить, во что бы то ни стало. Абита вновь загремела ящиками, перерывая один за другим.

– Да где же оно, наконец? – прошипела она, стараясь не поддаваться панике. – Думай, думай: куда мать могла его спрятать?

Внезапно Абита застыла на месте.

Рядом, в сарайчике, появился кто-то еще.

Абита оглянулась назад.

Нет, никого.

Вот только вокруг запахло лавандой и полынью, совсем как от ладанки, которую мать всегда носила на шее.

– Мать?

Поднявшись, Абита огляделась и сразу увидела то, что искала. Нужная вещь, ожерелье в виде цепочки, лежало на самом виду, посреди стола, хотя еще минуту назад его там не было.

– Мать… ты здесь, со мной?

Ожерелье составляли двенадцать колечек, свитых из прядей волос, соединенные одно с другим на манер звеньев цепи, и каждое отливало особым, своеобразным оттенком рыжины. Концы цепочки скрепляла простая медная булавка в форме змейки. Это свободное ожерелье из блестящих рыжих колечек мать тоже носила на шее, однако нечасто. Аби она объяснила, что пользуется им, только нуждаясь в помощи матерей, чтобы призвать к себе нужного духа, или, к примеру, смешать особо сложное снадобье.

Как мать в первый раз позволила подержать его… этого Абита не забудет до конца дней. Коснувшись пальцем последнего звена в цепочке, мать объяснила, что это звенышко сплетено из ее волос, а предыдущие – из волос ее матери, бабки, прабабки и так далее, а, стало быть, ожерелье плелось на протяжении двенадцати поколений.

– Однажды, когда будешь готова, – закончила мать, вновь указав на последнее звенышко, – ты тоже присоединишься

ко всем своим матерям и добавишь сюда свои волосы.

Стоило Абите, протянув руку к столу, коснуться плетеных звеньев, мать оказалась здесь, в садовом сарайчике. Конечно, Абита ее не видела, но аромат лаванды и полыни сделался так силен, словно мать подошла к ней вплотную.

«Будь мужественна, Абита. Слушайся своего сердца. Учись верить в себя».

– Мать… *Мать*…

Прижав ожерелье к груди, Абита расплакалась.

– Ох, мать, как мне тебя не хватает…

– *АБИТА!*

В дверях, насквозь прожигая ее гневным взглядом, стоял отец.

Абита отпрянула, врезалась бедром в стол.

– Что ты здесь делаешь? – грозно спросил он.

Надеясь, что отец ничего не заметит, Абита сунула ожерелье за пояс юбки, в исподники.

– Что у тебя там? Дай сюда, живо!

С этими словами отец ринулся к ней.

Не в силах ответить ни слова, Абита лишь покачала головой.

Вцепившись в вырез корсета, отец рывком разорвал шнуровку, и спрятанная за пазуху книга рецептов выпала, шлепнулась на пол. При виде книги отец, пуще прежнего вытаращив глаза, оттолкнул от нее Абиту, точно от ядовитой гадюки.

– Я тебе что говорил?! – завизжал он. – Это же рука самого Сатаны! Твоя мать ввязалась в игру с Дьяволом, и это стоило ей и жизни, и бессмертной души! Теперь все мы прокляты!

Сметенные с полок отцовской рукой, склянки, горшки с цветами зазвенели, вдребезги разбиваясь об пол.

– Взгляни вокруг, взгляни на все это нечестие!

Дотянувшись до масляной лампы, отец выдернул из нее фитиль, плеснул маслом на книгу рецептов, на шкаф, на прочие книги.

Абита оцепенела от ужаса.

Отец схватил принесенный ею свечной огарок и поджег масло. Книги запылали огнем.

Вот тут у Абиты прорезался голос.

– Нет!!! – закричала она и сунула руку в огонь, надеясь спасти хоть книгу рецептов.

Не обращая внимания на крики Абиты, отец мертвой хваткой вцепился в ее плечо и выволок из сарая на двор. Его жесткие пальцы больно впились в тело. Сарайчик пылал.

– Дьявол ей овладел, разве сама не видишь?! – прокричал отец. Из глаз его потекли слезы. – Твоя мать была замечательной, доброй женщиной… хорошей женой… хорошей матерью. Помни об этом, ни на минуту не забывай. Но Дьявол хитер, ох, хитер! На эту-то книжку, на все эти мелкие чары да ворожбу, он ее и подловил. Так твоя бедная мать отворила Дьяволу двери, впустила его на порог, и он отнял ее у нас, отнял!

Отец зарыдал в голос, и это перепугало Абиту сильнее всех его криков. Человека, плачущего, убивающегося так, словно его сердце рвется на части, ей видеть еще не приходилось.

– Как же я ничего не заметил? – стонал отец. – Думал, она просто варит целебные снадобья. Исполняет свой христианский долг. Как я был слеп… а теперь слишком поздно… и для нее, и для нас. Все мы обречены на вечные муки, – объявил он, указывая в огонь. – Видишь, там, в пламени… он, Дьявол! Ему известно твое имя, Абита. Оно записано в его книге. Твой единственный шанс на спасение – взывать к Господу каждый день… каждый день, каждую свободную минутку. Тогда, только тогда Господь, может статься, вычеркнет твое имя из сатанинской книги!

Упав на колени, отец потянул Абиту за собой.

– Нужно начать сейчас же, с этой самой минуты. Сложи перед грудью ладони, дитя мое. Взывай к Господу. Моли Господа о прощении.

Абита сделала, как велено.

– А теперь, Абита, пообещай… поклянись передо мной и перед Господом нашим, Иисусом, отречься от злодейств матери. Поклянись никогда в жизни не связываться с нечестивым ведовством.

Однако Абита молчала, пристально глядя в огонь.

Отец с силой встряхнул Абиту, вывернул руку так, будто готов сломать ее.

– Клянись же! Клянись перед Господом Богом!

– Клянусь! – вскрикнула она.

– Клянись и мне, и Господу!

– Клянусь тебе, отец, клянусь тебе, Господи Иисусе, никогда больше не связываться с нечестивым ведовством…

Лишь после этого отец отпустил ее, оставил спокойно глядеть в огонь, а сам вынес из дома все пожитки матери, одежду, башмаки, гребенки, даже одеяла, на которых она спала – словом, все, что ни принадлежало матери лично – и тоже сжег.

Но для Абиты дело на том не кончилось, нет. С тех пор отец каждый день заставлял и ее, и братьев молиться – бывало, не один час кряду, смотря, сколько выпил и сколь мрачно его расположение духа, молиться о том, чтоб Господь вычеркнул их имена из книги Дьявола, а им чтоб ниспослал сил держать руки подальше от знахарства да ведовства.

А вот волосяного ожерелья он так и не нашел. Ожерелье Абита убрала в старый кожаный кошелек и спрятала как можно дальше. Однако все его разговоры о демонах и бесконечные молитвы свое дело сделали: развязать кошелька Абита с тех пор не осмеливалась.

Подняв веки, Абита снова увидела вокруг стены домика.

«Дьявол у порога», – напомнила она самой себе, подошла к кровати, вытащила сумку, расстегнула ее, достала материнский кошелек, смерила его долгим взглядом.

Слово, данное отцу и Господу, она держала – по крайней

мере, до тех пор, пока не перебралась сюда, в Новый Свет. А после… После они с Эдвардом нередко нуждались то в целебных травах, то в малой толике везения. Давно не ребенок, Абита прекрасно понимала разницу между притираниями и амулетами, между чарами и прозрениями. В конце концов, разве те же молитвы – не просьбы о ниспослании удачи? Однако, обремененным требованиями Уоллеса, жилось им совсем не сладко – легко ли тут отказаться от возможности обменять пару амулетов, безобидное предсказание, или, скажем, заклятье, на вещи, без которых в хозяйстве никак не обойтись? Особенно если Лондон, чума, отец – вся прежняя жизнь кажется давним, полузабытым сном…

С этими мыслями Абита развязала кошелек.

«Неужели мое имя вправду записано в книге Дьявола? – подумала она, оглянувшись на входную дверь. – Неужто отец был прав? Неужто Сатана все это время дожидался меня – ждал, чтобы я, связавшись с ведовством, отперла ему дверь? Ждал, чтобы я кошелек этот развязала?»

Абита встряхнула поднятый кошелек. Цепочка колечек, свитых из рыжих волос, выскользнула на кровать.

Тут-то она и услышала слова матери.

– *Будь мужественна, Абита. Слушайся своего сердца. Учись верить в себя.*

«А что говорит мое сердце? – подумала Абита, не сводя глаз с булавки в виде маленькой медной змейки. – Мне страшно».

Но этим дело не ограничивалось. Кто-кто, а уж она-то знала наверняка: женщина благочестивая, добрая христианка, стать пешкой в руках Дьявола мать не могла.

«Нет, нет, мать жила в мире с собой, с природой и с Господом, как ни одна живая душа на свете. И никакого зла никому никогда не чинила, а умерла от чумы вместе с тысячами других лондонцев, вот и все. Скажи на милость, отец: все эти люди, пораженные хворью, тоже были пешками Дьявола? Нет, отец, по-моему, нет. По-моему, нет».

От двери донесся скрип.

Абита вздрогнула.

«Но эта тварь там, снаружи – какой-то дьявол или демон, это уж точно».

Рассказы матери о своенравных духах, демонах, при всякой возможности донимающих добрых людей, она помнила превосходно. А еще помнила пару перенятых от матери хитростей, избавляющих от подобной напасти.

«Соль и зола, – подумала она, однако то были лишь простенькие народные чары, а между тем Абите помнилось, что одной только золой да солью заклинание, настоящее заклинание, не ограничивалось. – Да-да, я его видела. Видела в книге рецептов. Ах, если б она была под рукой!»

Абита напрягла память, припоминая подробности. Как же там? Вертится в голове, да только не ухватить…

Тогда она снова перевела взгляд на волосяное ожерелье. Мать пользовалась им, нуждаясь в помощи праматерей.

Рука повисла, задержалась над ожерельем.

– Помоги, мать. Без тебя не обойтись.

С этими словами Абита нежно коснулась волосяных колечек, и в тот же миг на сердце сделалось легче, а аромат лаванды с полынью разбудил, подхлестнул память.

Положив мушкет и Библию на стол, Абита схватила самую большую сковороду, поставила ее рядом с Библией, а после поспешно достала из буфета мешочек с солью и нож. Соли осталось всего ничего, однако она, зачерпнув из мешочка две полных горсти, высыпала соль в сковороду, ножом отхватила пучок волос у виска, трижды плюнула на него и тоже бросила в сковороду. Что дальше? Вырвав из Библии с пяток страниц, Абита поднесла их к губам, прочла молитву, изорвала страницы на ленточки, смяла, бросила поверх соли с пучком волос, снова взялась за нож, однако замешкалась, призадумалась. Настала очередь еще одного, последнего ингредиента.

Абита подняла кверху палец.

«Кровь. Моя кровь. Отчего в самом действенном колдовстве без крови не обойтись?»

Кольнув ножом палец, она уронила на слова Господа две капельки крови, расплывшихся по бумаге малиново-алыми кляксами, и отнесла сковороду к очагу. Растопленный с утра, очаг успел прогореть, но пара тлеющих углей в нем еще оставалась. Раздув огонь, Абита сунула сковороду в самый жар и принялась снова и снова повторять незатейливую молитву, а

как только пламя прогорело, высыпала обуглившуюся смесь в ушат с золой и хорошенько перемешала.

От поднявшейся пыли запершило в горле. Закашлявшись, Абита снова услышала гневные разглагольствования отца, почувствовала затылком его обжигающий взгляд.

– Нет, – прошептала она. – Нет! Больше я тебя слушать не стану. Плевать, отец, что я там тебе обещала: у меня сам Дьявол под дверью!

Услышав топот, Абита вздрогнула, вскочила на ноги, сердце в ее груди забилось пойманной птицей.

«Что это?»

Однако ответ ей был известен.

Шум – мягкий, глухой стук копыт оземь – приближался.

Подхватив ушат, Абита метнулась к двери, насыпала вдоль порога дорожку из соли с золой, а после подбежала к единственному оконцу, закрыла и заперла на задвижку прочные дощатые ставни, тонкой струйкой высыпала горстку смеси на подоконник, вновь повернулась к дверям и замерла в ожидании. Казалось, прижатый к груди мушкет вот-вот выпадет из трясущихся рук.

– Поди прочь, Косиног, – прошептала она. – Сгинь, сгинь, пропади.

Топот копыт обогнул домик сзади. В щелях между досками ставней мелькнула тень. Вскоре копыта вновь застучали невдалеке от крыльца, и топот утих.

– Хелло, – раздалось снаружи. – Абита, ты дома?

«Человек! Кто-то из деревенских! Ох, слава Богу!»

Бросившись к выходу, Абита прислонила мушкет к стене, отодвинула тяжелый засов и рывком распахнула дверь.

У крыльца стоял знакомый жеребец белой масти. С седла на Абиту изумленно взирал Уоллес Уильямс.

– *Проснись*.

– Не желаю.

– *Они здесь. Ты должен убить их*.

– Я мертв.

– *Принюхайся. Чуешь их?*

Токи крови в их жилах зверь чуял, да еще как. Люди. Двое.

– *Ты должен убить их, Отец*.

– «Отец»?

– *Ты позабыл свое имя?*

Зверь напряг память, стараясь припомнить хоть что-ни-

будь, однако все вокруг укрывала тьма. Вдруг тьма встрепенулась, зашевелилась, отрастила лапки – множество тоненьких, колких, когтистых лапок.

– Нет! – прошипел он, видя, что тьма жива, что это вовсе не тьма, а множество, великое множество черных пауков, облепивших его сверху донизу.

Попытавшись смахнуть их, он обнаружил, что не в силах пошевелиться, намертво спутанный клейкими нитями паутины…

Едва не задохнувшись от ужаса, Отец поднял веки, сел, лихорадочно заозирался в поисках пауков, однако никаких пауков поблизости не оказалось – только опоссум, ворон и рыба. Все трое в испуге таращились на него.

– Все в порядке, Отец, все в порядке. Тебе просто кошмар привиделся.

Отец молча смерил их взглядом.

– Ты нас не узнаешь?

Голова Отца откликнулась тупой, ноющей болью.

– Вы… Лес… Небо… и Ручей.

Троица диких облегченно вздохнула.

Издалека донеслись чьи-то вопли.

– Человек рядом, – пояснил Лес.

Отец, поморщившись, прижал ладони к вискам.

– Кровь. Его кровь вмиг прогонит боль прочь.

Отец кивнул, с трудом поднялся на ноги, но едва не сомлел и ухватился за столб, что подпирал крышу хлева. Услы-

шав голоса, он отступил во мрак, вспомнил, как становиться невидимым, и стал невидим.

Возле дома он разглядел ту самую женщину с каким-то мужчиной. Сойдя с крыльца, женщина направилась прямиком к хлеву, а на гостя почти не взглянула. От страха глаза ее округлились, как блюдца. Не сводя взгляда с дверей в хлев, она остановилась в полудюжине шагов от порога.

– Ты видел их? – спросила она мужчину. – Видел?

– Кого «их»?

– Там, Уоллес, в хлеву. Заметил ты там кого-нибудь, когда подъезжал?

Оба смотрели в сторону Отца, но ни видеть, ни слышать его не могли, так как он того не желал.

– Никого я там не заметил, – отвечал человек по имени Уоллес, спустившись с седла. – Что случилось, Абита? Объясни, будь добра.

Женщина собралась было что-то сказать, но сразу же передумала. Чувствовалось: друг другу эти двое не доверяют ни в чем.

– Что с тобой приключилось? – спросил мужчина, оглядев ее с головы до ног. – Грязна, растрепана… а это что, кровь?

Женщина по имени Абита одернула платье, убрала со лба непослушные пряди волос и утерла передником кровь со лба и щеки.

– Убей их, – прошипел Лес, пихнув Отца в бедро. – Скорее.

На жердь изгороди рядом с Отцом опустился Небо. За вороном, воспарив кверху, последовал и Ручей. Дикие тоже не желали, чтоб их увидели либо услышали люди, и потому тоже остались невидимыми.

– Чего ты ждешь? – прорычал Лес.

Однако Отец, всерьез опасаясь упасть, даже не сдвинулся места.

«Что она со мной сделала?» – думал он, изучающе глядя на женщину.

Перед глазами снова мелькнуло недавнее видение – пара теней, сцепившихся в схватке.

«Что это? Правда? Или какое-то волшебство?»

И тут по бокам от него – только уголком глаза и разглядишь – опять появилось множество пауков, тысячи пауков, поджидающих случая броситься на него, опутать клейкими тенетами, уволочь назад, в темноту. Встряхнув головой, чтоб в мыслях хоть слегка прояснилось, Отец сосредоточился на разговоре людей.

– Индейцы? – спросил мужчина. – Пекоты шалят?

«Пекоты, – подумал Отец. – Знакомое имя. Да, так называли себя одни из людей. Одно из людских племен».

Кивнув самому себе, он задумался. Может, те люди в видениях и есть пекоты?

– Нет, – отвечала женщина. – Просто… просто случайность. Упала, ударилась головой, вот и мерещится всякое. Пустяки.

Мужчина с подозрением взглянул на нее.

– Весьма тревожные новости… и, согласись, наглядный пример тому, как опасно трудиться на ферме одной.

Женщина смерила его мрачным взглядом.

– Абита, – поспешно добавил Уоллес, подняв перед собою ладони, – это опасно для всякого. Дикие земли – не место для того, чтобы жить в одиночку. Послушай, не ершись. Я вовсе не ссориться к тебе пришел.

Подойдя к ведерку, стоявшему у стены, Уоллес выудил из него что-то вроде чашки на длинном черенке, зачерпнул воды и отнес Абите.

– Выпей, прошу тебя.

Женщина, приняв чашку, выпила воду, утерла рукавом губы.

– Спасибо, – сказала она, но прозвучало это довольно-таки вымученно.

– Пойдем в дом. Там можно сесть, поговорить обстоятельно, – предложил гость.

– Я не в настроении разговаривать.

– Что ж, ладно, – кивнул Уоллес. – Тогда позволь, я хоть кресло тебе принесу? А то, поглядеть на тебя – ты будто вот-вот сомлеешь.

– Уоллес, если тебе есть, что сказать, говори, не тяни, – отрезала Абита, устремив на него выжидающий взгляд.

Уоллес шумно перевел дух.

– По зрелом размышлении я, нужно признать, мог бы най-

ти лучший выход из положения. Для всех нас настало время нешуточных испытаний, а кто, кроме Господа, не без изъяна? Надеюсь, нам с тобой еще не поздно помириться и все начать заново.

Абита скрестила руки на груди. Похоже, его слова только насторожили ее пуще прежнего.

– Решение наших с тобой затруднений пришло мне на ум вчера вечером, когда Черити читала домашним вслух из Писания. Помнишь, как там у Екклесиаста: «Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его». Понимаешь, к чему я веду?

Женщина покачала головой.

– Все проще простого… вам с Исааком следует пожениться.

Женщина ошарашенно заморгала.

– Конечно, решение это далось мне не так уж легко. Но я…

– Я не ослышалась? Ты имеешь в виду Исаака? *Исаака*, собственного сына?

Уоллес кивнул.

– Ты предлагаешь мне пойти замуж за Исаака? За родного племянника, пусть и по свойству?

– Именно так.

– Мальчишке ведь еще шестнадцати нет.

– Уже семнадцать, и до восемнадцати недалеко.

Абита отрицательно покачала головой.

– Знаю, знаю, – продолжал Уоллес, – Исаак еще молод, но очень неплохо развит для своих лет. Не торопись, Абита: тут есть, о чем поразмыслить. Если вы с ним поженитесь, всем твоим бедам конец. У тебя будет здоровый, сильный молодой муж, способный управиться с фермой, не говоря уж о помощи всей его семьи. А самое-то, самое лучшее вот в чем. В Хартфорде я разговаривал с лордом Мэнсфилдом. Он согласен подумать, на каких разумных условиях ферма со временем может перейти к вам.

– То есть, к Исааку, а по сути дела – к тебе.

– А что же в этом дурного? Вот и папа всегда стремился все сохранить в семье, потому что знал: уз крепче родственных на свете не сыщешь.

– А Исаак об этом что скажет? С ним ты уже говорил?

– Мальчишка наперекор отцу не пойдет. Брак – дело такое: любовь тут не главное. Увидев возможность, Исаак ее не упустит. А родственные узы… уверен, со временем дойдет у вас и до них.

– Мальчишка не замечает вокруг никого, кроме Хелен, а Хелен не глядит ни на кого, кроме него, и ты прекрасно об этом знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.